

Сергей Головин

ЭВОЛЮЦИЯ МИФА

КАК ЧЕЛОВЕК
СТАЛ ОБЕЗЬЯНОЙ

Симферополь

1999

От редактора

Кто мы? Откуда пришли и куда идем? В поисках ответа на эти принципиальные вопросы Сергей Головин в своей новой книге “Эволюция мифа” обращается к теме, хорошо известной всем, кто когда-либо учился в девятом классе средней школы.

Оказывается, тема “Труд сделал из обезьяны человека” актуальна не только на школьном капустнике. Для человека разумного вопрос о людях и обезьянах имеет совершенно неожиданное, а именно — мировоззренческое значение.

Опираясь на известные еще из школьного учебника построения, автор стремится показать, что знание, полученное на уроках биологии, не является ни всесильным, ни верным. Скорее, наоборот.

Книга является пропагандистской в лучшем смысле этого изрядно затертого слова. Ее несомненное воздействие на ищущие умы будет обусловлено несколькими составляющими.

Во-первых, это богатый фактический материал, совершенно неизвестный широкому кругу читателей по причине англоязычных источников, неожиданные аналогии и смелые выводы.

Во-вторых, это атрибуты лучших произведений приключенческого жанра — черепа и скелеты, таинственные находки и непонятные исчезновения, обманы века и скандальные разоблачения, наконец, гигантские деньги, которые нет-нет, да и замаячат за всеми этими приключениями охотников за животным пращуром человека.

В-третьих, это живой, сочный язык, где напрочь отсутствует столь свойственный традиционной научно-популярной литературе менторский тон.

Все это притягивает читателя, не позволяя ему расслабиться до последней страницы увлекательного повествования о нашем с вами пути. Написанная с добрым юмором, беззлобно, “Эволюция мифа” заставляет задуматься и еще раз предлагает пересмотреть мировоззренческие позиции.

Книга универсальна: ее с интересом прочтет школьник и студент, школьный учитель и преподаватель университета. Наверное, она не бесспорна (я не специалист в этой области знания), но этим и интересна, ибо этот спор, наверное, способен родить истину.

Вячеслав Хачатурян

Предисловие, которое, как обычно, можно читать после всей книги, или — не читать вовсе

Прежде всего хочу предупредить читателя, что это вовсе не книга о происхождении человека. Автор не является специалистом в антропологии или палеонтологии и не стал бы брать на себя столь ответственную задачу. Если Вас интересует именно эта проблема, лучше данную книгу отложить и взять что-либо из трудов, перечисленных в ее конце. Особенно хочется порекомендовать наконец-то увидевшую свет в русском переводе прекрасную работу недавно почившего профессора Уайлдер-Смита, которая так и называется: **Происхождение человека, предназначение человека**. То же, что вы держите в руках — всего лишь попытка взгляда со стороны на историю возникновения и распространения тех идей, которые обычно связывают с понятием антропогенеза.

Каждая из глав предваряется эпиграфом из произведений Льюиса Кэрролла **Приключения Алисы в Стране Чудес, Алиса в Зазеркалье, Игра в логику и Охота на Снарка** в переводах Н.Демуровой, Ю.А.Данилова, С.Головина, Г.Кружкова. Ассоциации обсуждаемых проблем с книгами Кэрролла отнюдь не случайны. Льюис Кэрролл (Чарльз Лутвидж Доджсон) окончил в 1854 году Колледж Церкви Христовой в Оксфорде (аналог Кембриджского колледжа, оконченного Дарвиным) и в соответствии со своим даром наставничества и способностям к математике и формальной логике остался там преподавать эти предметы. Вскоре он был рукоположен в дьяконы, и, параллельно основной работе нес служение в этом сане до конца своих дней — заикание не давало ему возможности стать проповедником. Проживая, работая и выполняя духовное служение в Оксфорде второй половины XIX в., Доджсон не мог оставаться в стороне от постоянно происходивших там бурных обсуждений новомодной теории, предложенной Дарвиным.

Книга **Приключения Алисы в Стране Чудес**, вышедшая в 1865 г., особенно изобилует пародиями на Дарвиновские идеи, казавшиеся тогда Кэрроллу не более чем забавными. Мы можем обнаружить в ней и множество странных существ, выходящих на берег из моря слез (появление жизни в воде и выход на сушу в результате смерти и страданий многих поколений); и бег по кругу (круговая аргументация тезиса о *выживании наиболее приспособленного*); и вытягивание у Алисы одной только шеи, когда девочка, казалось бы, должна была расти вся целиком (ламарковская теория о вытягивании шеи у жирафа). Особым событием в оксфордской

жизни того периода стали нашумевшие дебаты о теории эволюции между Томасом Гексли и епископом Сэмьюэлом Уилберфорсом 30 июня 1860 г. Этому в **Алисе** посвящена целая глава, которая называется **Поросенок и перец**.

Как Вы, должно быть, помните, в этой главе Алиса попала на просторную кухню, в центре которой восседала Герцогиня (Томас Гексли), нянчившая младенца (теорию эволюции). Заправляла же там Кухарка (сэр Ричард Оуэн — выдающийся анатом, председательствовавший в этом собрании), которая непрерывно подбавляла в блюдо перца — даже *воздух* был перченым настолько, что все присутствующие непрерывно чихали. *Даже Герцогиня время от времени чихала, а младенец чихал и визжал без передышки.* Главный аргумент, выдвинутый Гексли против оксфордской публики, представлявшей интеллектуальную элиту британского общества, воспроизведен Герцогиней в английском тексте книги почти дословно: *Вы многого не знаете, и это — факт!* Затем в Герцогиню и ее дитя стали швырять всевозможные попадавшие под руку увесистые предметы (контраргументы). *Но Герцогиня и бровью не повела, хоть кое-что в нее попало; а младенец и раньше так заливался, что невозможно было понять, больно ему или нет.*

В итоге Герцогиня поспешно покинула кухню, оставив свое чадо на попечение публики. Кухарка швырнула ей вдогонку еще одну кастрюлю, но уже не попала: сэр Ричард Оуэн в своей заключительной речи сказал, что в теории эволюции не удастся обнаружить *вероятность хотя бы крупицы истины*, добавив, что *мозг гориллы отличается от мозга человека в гораздо большей степени, чем от мозга самых низших тетраподов*. В результате младенец превратился (эволюционировал) в поросенка, и Алиса по этому поводу заметила, что *если бы он вырос, это был бы ужасно уродливый ребенок, но как поросенок он даже симпатичен*. Из этих слов видно, что Кэрролл не верил, что столь несостоятельная идея может получить широкое распространение, но, с другой стороны, вполне представлял возможные последствия этого. В заключение всей сцены Кэрролл словами Алисы указывает на главную проблему теории Дарвина: *она принялась вспоминать других детей, из которых вышли бы отличные поросята. “Знать бы только, как их превращать”, — подумала она...*¹

---

¹Подробнее о том, как теория эволюции отражена в произведениях Кэрролла смотри в книге Bowden Malcolm. *True Science Agrees with the Bible*.- Bromley, Kent, UK: Sovereign Publications, 1998.- 560 p.

Эволюция мифа

Я хотел бы выразить признательность всем тем, кто помогал мне в работе над этой книгой. Я благодарен Creation Science Foundation (Австралия), Creation Science Movement и лично Малколму Баудену (Великобритания), Creation Research Society, Брайан Колледжу и докторам Брюсу Литтлу, Глену Уолформу, Джеймсу Муру, Уолту Брауну (США) за любезно предоставленные фактический материал и возможность использования иллюстраций, за консультации по специальным вопросам. Я признателен за братскую поддержку Southeast Christian Church (Кентукки), His Creation (Колорадо) и всем, кто вспоминает меня в своих молитвах. Я хочу искренне поблагодарить организации Church Mission Society (Великобритания), Literature And Teaching Ministries (США) и лично Марка Оксброу и Фила Кейси за содействие публикации этой книги. Я благодарен Андрею Горяинову, Вячеславу Хачатуряну и Евгению Новицкому за их помощь в работе над рукописью и ее обсуждение, а также Виталию Андрух — за прекрасные иллюстрации к этой книге. Я благодарен Джорджу Керилей за его наставническую помощь и дружеское участие. И, наконец, особую признательность я хотел бы выразить моей матери Валентине Сергеевне, жене Ольге и дочерям Евгении и Дашеньке. Без той любви и заботы, которой они меня окружают, эта работа была бы просто невозможна.

Рис. Дж. Тенниела.

Рамапитек

Человек

Неандерталец

Эволюция мифа

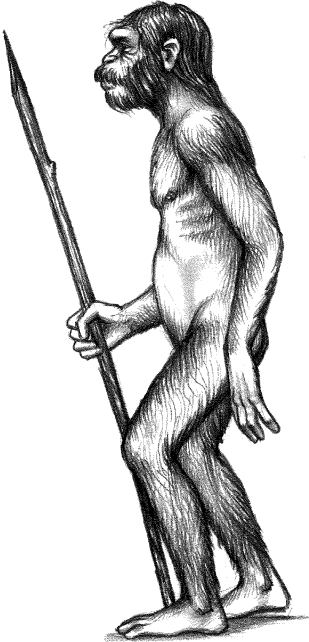
Австралопитек

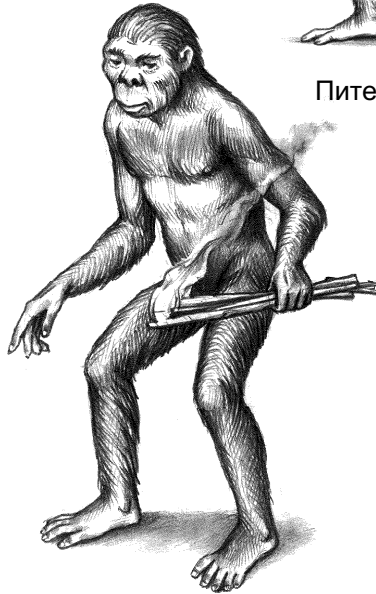
Гесперопитек

Питекантроп

Эоантроп

Синантроп

Вера и суеверие

- Скажите, пожалуйста, как мне отсюда идти?
- А куда ты хочешь попасть?
- Мне все равно...
- Тогда все равно, куда идти.
- ...только бы попасть **куда-нибудь**.
- Куда-нибудь ты обязательно попадешь.

Каждый из нас во что-нибудь верит. Мы верим, что армия Наполеона была разгромлена союзными войсками под Ватерлоо в 1815 г.; что Волга впадает в Каспийское море; что атом состоит из протонов, нейтронов и электронов. Пожалуй, не многие из нас видели все это собственными глазами, но уверены мы в этом настолько, что готовы вступить в острую дискуссию с любым, кто осмелится подвергнуть эти факты сомнению. А уверенность в том, чего мы не видим, и есть — вера.

Конечно же, наша вера чаще всего не возникает сама по себе. Мы что-то где-то услышали, что-то где-то прочли, а потом еще, наверное, и подумали — стоит этому верить или нет? Насколько достоверен источник предложенной нам информации? Одна степень доверия у нас к тому, что пишется в научных журналах, другая — к газетным новостям (хотя, конечно же, в заблуждение могут ввести и те и другие); одна — к тому, что нам расскажут на рынке, другая — к тому, что мы слышим по телевизору. Жизнь приучила нас держать ухо востро, и не хвататься с детской наивностью за каждое услышанное известие. Мы не хотим верить слепо.

Однако нередко люди верят во что-нибудь без какого-либо на то основания. Просто *так хочется*. Такая необоснованная вера называется **суеверие**. Из всех человеческих мнений и суждений суеверия обладают необыкновенной живучестью. Нам вовсе не интересно — соответствуют они действительности или нет. Суевер не требует от ученых выяснения того, каким образом, например, постукивание по дереву оберегает его “от сглаза”. Он **знает**, что это так, и, пожалуйста, не морочьте ему голову своими фактами. Вот тут-то и таится опасность. Идя на поводу у суеверий, человек все больше и больше уходит от реальности, впадая в более и более глубокое заблуждение. И хотя наш мир все интенсивнее требует от нас уважения чужих заблуждений, обещая в ответ уважение наших заблуждений, при нынешнем уровне техники и информации суеверия

могут обойтись нам весьма дорого. Вспомните, чего стоили нам суеверия превосходства арийской расы или преимущественной роли классовой борьбы в развитии человечества. Так что это очень важно: отличать веру от суеверия; смотреть, соответствуют ли наши верования реальным фактам, или являются чьими-либо (в частном случае — нашими собственными) измышлениями.

С фактами из области географии проще всего. Если в чем-то сомневаешься, можно просто поехать на место и лично удостовериться. Конечно, мало кто так и поступает, но сама возможность личной проверки — штука весьма убедительная. К тому же наша Земля не такая уж и большая, множество людей колесит по ней во все стороны, и их опыт подтверждает что, например, Северная Америка действительно находится несколько севернее Южной. Если же кто-либо из путешественников впадет в заблуждение и объявит об открытии какой-либо Земли Санникова к северу или Индии к западу от Европы, его всегда найдется кому поправить.

В области естественных наук дело обстоит несколько сложнее. Здесь гораздо больше фактов, которые мы с вами проверить не в состоянии, и нам все больше приходится доверять мнению специалистов. Тем не менее, естественные науки чаще всего имеют дело с **явлениями**, во-первых, — реально наблюдаемыми (непосредственно или с помощью приборов), во-вторых — повторяемыми. Так что если опыт, произведенный в одной лаборатории мира, не удастся повторить в других лабораториях, обычно не спешат объявить наблюдаемое в нем явление научным фактом.

Еще сложнее ситуация с фактами историческими. Все они, как правило, произошли в далеком прошлом и лишь однажды. Единственным подтверждением такого факта является **текст** исторического документа, и проверять приходится скорее не достоверность самого факта, а достоверность текстов, его описывающих. Так, историку приходится выяснять: был ли автор документа очевидцем описываемых событий или хотя бы — современником очевидцев, которые могли бы поправить его в случае неправоты; или же он узнал о событиях из устных преданий многовековой давности? Кем был описывающий события человек — склонен ли он к легковерию или к тщательному анализу фактов? Хорошо ли сохранились его записи: сколько списков дошло до нас (книгопечатание — сравнительно недавнее изобретение, и документы могли сохраниться, лишь если кто-нибудь брался их переписать); насколько далеко эти списки отстоят во времени от оригинала; насколько велики разночтения между этими списками?

Пожалуй, для многих окажется неожиданностью, что из числа всех античных исторических текстов рекордной достоверностью обладают жизнеописания плотника из Назарета по имени Иисус, называемые *Радостное известие* или, по-гречески — “Евангелие”. До нас дошло более 25000 списков этих трудов, отличающихся друг от друга лишь на уровне не влияющих на содержание описок и грамматических ошибок писцов. Евангелисты Матфей и Иоанн сами являлись непосредственными очевидцами и участниками описываемых событий (причем, первый по профессии был налоговым инспектором, что не могло не сказаться на скрупулезности составленного им описания); Марк был секретарем очевидца и даже, возможно, писал под его диктовку; Евангелие Луки (врача по специальности) — результат тщательного анализа на основании опроса очевидцев и сопоставления их показаний. Самый ранний дошедший до нас список был сделан всего через 25 лет после появления оригинала. Мы можем воссоздать практически полный текст евангелий лишь на основе цитат из них в литературе II — III веков. Достоверность описываемых событий подтверждается сведениями, которые мы можем найти у древнеримских историков — Тацита, Плиния Младшего, Светония (кстати, до нас дошло лишь 20, 7 и 8 неполных списков работ самих этих историков, отстоящих от оригинала по времени написания на 1000, 750 и 800 лет соответственно).

И все-таки, среди того, во что мы верим, остается довольно значительная часть, не поддающаяся проверке каким-либо из описанных способов. К ней в первую очередь относится круг вопросов, связанных с понятием *происхождение*:

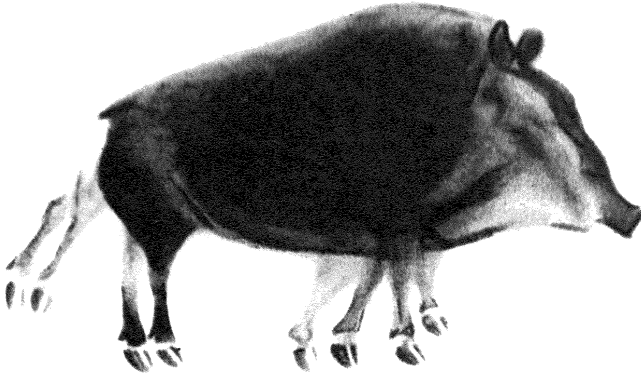
*Откуда взялся мир?
Как возникла жизнь?
Как появился человек?*

Действительно, ни мы с вами, ни ученые-специалисты не в состоянии отправиться куда-либо и пронаблюдать это. События эти произошли лишь однажды, и никто из людей не был их очевидцем — в этом на удивление сходятся мнения как богословов, так и атеистов. Однако это, пожалуй, самые важные для нас вопросы: не зная “откуда?” и “как?”, вряд ли можно понять “зачем?” — *то, куда нам нужно идти, определяется тем, откуда мы пришли*. Лишь пара вопросов: Существовал мир вечно или возник из небытия? Появился человек в результате случайности или целесообразности? — определит все наши дальнейшие рассуждения по вопросам и истории, и естественных наук, да и, пожалуй, — географии.

Эволюция мифа

Однако сами эти вопросы не принадлежат указанным областям знания. Вопросы происхождения — вопросы чисто религиозные. **Мы верим**, что было так и не иначе, и на основании этого строим свое мировоззрение. Но обоснованна ли наша вера? Не впали ли мы в суеверие? Не уводит ли оно нас с нашего истинного пути?

Пожалуй, стоит остановиться и разобраться. А то еще попадем куда-нибудь не туда.

Наскальное изображение бегущего кабана.
Альтамир, Испания (по Брейлю)

“Научный тотемизм”

*Когда я беру слово, оно означает то, что
я хочу — не больше и не меньше*

Это — довольно старая история. В Эдемском саду искуситель задал Еве лишь только один вопрос: *Подлинно ли сказал Бог..?* Брошенное зерно сомнения произвело плоды, в значительной степени изменившие нас самих, да и весь наш мир. Человек отказался от единственно возможного основания подлинной веры — Слова Того, Кто являлся Очевидцем происхождения нашего мира, ибо Сам этот мир создал, — и стал самостоятельно искать ответы на жизненно важные вопросы, порождая новые и новые суеверия.

Одним из таких суеверий стал **тотемизм** — вера в происхождение от животного предка. У каждого племени (а тотемизм изначально существовал лишь на уровне не знающих грамоты племен) был свой почитаемый животный предок — *тотем*: собака, медведь, кенгуру, обезьяна, и т.п.

Вера в тотем вполне объяснима психологически: кому захочется признавать свою собственную природу падшей и греховной? Гораздо приятнее верить в развитие: вон, свинья свиньей, а и сама богом стала, и нам, людям, жизнь дала. Так и мы, если будем вести себя соответствующим образом, разовьемся во что-нибудь еще круче. Во что именно, и как это “соответствующим образом”, было не совсем понятно, и потому стихийно развивались стиль жизни и обрядовые формы, имеющие целью “не разозлить”, а, если возможно, то и задобрить тотемное животное. Категорически запрещалось на него охотиться или есть его мясо, рекомендовалось прославлять его ритуалами и задабривать жертвоприношениями, порой — даже человеческими (чего только не сделаешь для любимого пращура!).

В цивилизованных обществах, где, благодаря наличию письменности, существовала возможность накопления знаний, эта идея долго не могла привиться. К примеру, Аристотель как-то предположил, что человек произошел от рыбы, но уж слишком это выглядело надуманно — во-первых, никто не сомневался, что такое умозаключение родилось отнюдь не в результате непосредственного наблюдения превращения рыбы в человека, а во-вторых, уж очень очевидна была разница между человеком и прочими одушевленными существами.

Тем не менее, обратная сторона тотемизма — вера в естественный прогресс — продолжала соблазнять умы, и к концу XVIII века утвердилась настолько прочно, что многие стали отказываться от

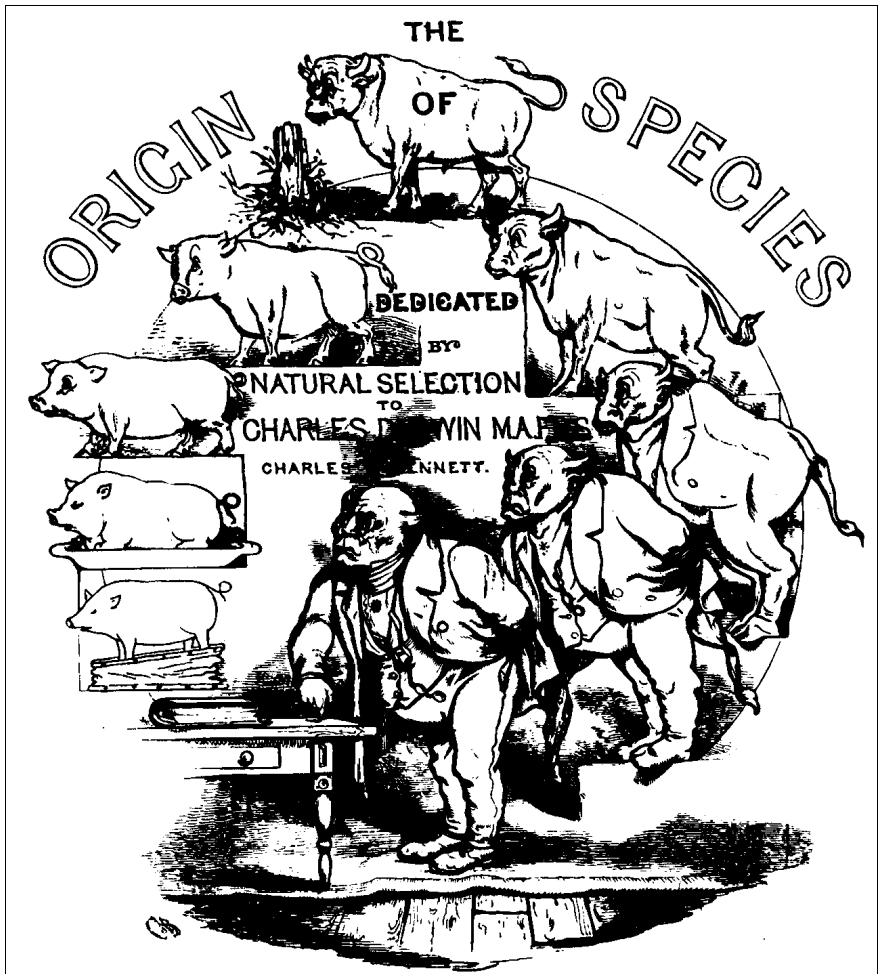
своих прошлых убеждений и без какого бы то ни было тому основания склоняться к вере в животное происхождение человека. В соответствии с изменениями, произошедшими в человеческом обществе (формирование на основе христианского мировоззрения единой глобальной культуры и порождение ею научно-технического прогресса), речь уже велась не об отдельном племени, а обо всем человечестве; самой же идее было найдено весьма удачное наукоподобное название **эволюция**. Термин этот оказался особенно хорош тем, что имел еще и другое, в те времена основное значение — последовательная цепь любых изменений во времени. Это позволяло в ходе дискуссии в случае необходимости незаметно подменять одно понятие другим: “Как, вы не верите в эволюцию? Но ведь это же — очевидный факт, который мы можем наблюдать повсюду! Вон, даже звезды эволюционируют: голубые звезды, сгорая, превращаются в красные гиганты; те, остывая, становятся белыми карликами, которые взрываются сверхновыми, и т.д.”. Что именно значит это *и т.д.* не совсем ясно, ибо дальше уже — область сплошных гипотез. Но главное здесь в другом: неискушенный собеседник уже одурочен, ибо приведенная последовательность ничего общего с *эволюцией* в смысле развития и усложнения не имеет; это — типичный пример деградации, распада, разложения, умирания. Эдак каждый из нас “эволюционирует” из ребенка во взрослого; затем, кому удастся — в старика; и, как это не печально, — *т.д.* Но какое это имеет отношение к развитию жизни или происхождению человека?

Образованный мир не так-то легко было убедить в истинности подобных идей. Наивное объяснение возникновения жирафа путем вытягивания шеи на протяжении многих поколений, предложенное первым пророком нео-тотемизма Ламарком, вызвало бурный восторг в среде писателей и художников-сатириков, тут же предложивших множество альтернативных “эволюционных” вариантов удлинения ног у потомственных почтальонов или рук — у рыбаков. Новая вера требовала новой идеологии. Идея чудесного превращения одного вида животных в другой не могла быть воспринята без соответствующего магического заклинания. И заклинание было найдено — звучное, суровое и таинственное:

выживание наиболее приспособленного.

Независимое происхождение полов из шерстепроизводящих животных — научное обоснование развития шерстяной промышленности в Англии (*Grip, March 1887. По Herbert, 1990*).

“Происхождение видов, посвященное путем естественного отбора Чарльзу Дарвину от Чарльза Беннетта”. Карикатура 1872 г., предлагающая быка в качестве переходной формы эволюции человека из свиньи

Выживание наиболее приспособленного

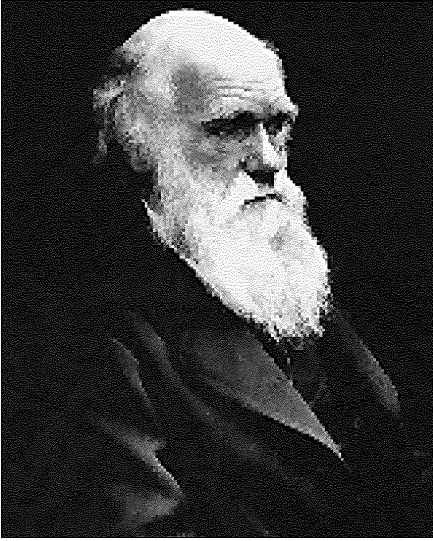
В непогрешимости этого утверждения вы можете быть так же уверены, как мудрая мать, приказывающая горничной:

“Мэри, будьте добры, поднимитесь в детскую, посмотрите что делает ребенок и скажите ему, чтобы он этого не делал”

Похоже, лингвисты незаслуженно обошли вниманием это высказывание. Оно действительно достойно восхищения! При весьма солидном звучании оно, с одной стороны, не несет абсолютно никакой информации, с другой стороны — совершенно самодостаточно. Те или иные утверждения могут либо соответствовать реальности, либо — не соответствовать; это же просто не нуждается в реальности. Оно имеет замкнутую структуру и одно понятие в нем определяется из другого. Его невозможно ни подтвердить, ни опровергнуть. Кто выживает? — тот, кто наиболее приспособлен. Кто же наиболее приспособлен? — да тот, кто выживает. Железная логика. Кстати, в логике для подобных высказываний есть даже специальный термин *тавтология* (от греческого *tauto* - то же самое и *logos* - слово). Однако любые аналоги — погружаемость наиболее потопляемого, цветистость наиболее раскрашенного и т.п. — лишь жалкие подопия этого гениального порождения человеческого разума.

Любой школьник сейчас знает, что автором этого шедевра является Чарльз Роберт Дарвин. Хотя некоторые критики утверждают, что Дарвин не был особо грамотен в сфере своих основных исследований, это не совсем верно — как и подобает отцу-основателю нового вероучения, Дарвин получил фундаментальное религиозное образование в Колледже Церкви Христовой Кембриджского университета, куда поступил после неудавшейся двухгодичной попытки изучения медицины в университете Эдинбурга.

Дарвин получил степень бакалавра в 1831 г., однако особого желания подвизаться на ниве служения страждущим и погибающим не имел. Он уже твердо верил в прогресс, и хотя волшебная фраза еще не была им сформулирована, будущий корифей ощущал себя достаточно “наиболее приспособленным”, чтобы вплотную заняться своим собственным “выживанием” (Чарльз унаследовал от своего отца состояние, достаточное, чтобы никогда не заботиться о пропитании). Он решает круто изменить свою жизнь и в том же году, в возрасте 22 лет, не имея какой-либо подготовки в сфере естествознания, отправляется в пятилетний вояж на исследовательском кораб-

Чарльз Роберт Дарвин

ле “Бигль” в должности внештатного (т.е. неоплачиваемого, но и никому не подотчетного) натуралиста.

Хотя путешествие “Бигля” было кругосветным, наиболее известным событием стало посещение незадолго до этого аннексированных Эквадором и практически еще не заселенных Галапагосских островов. Именно там Дарвин наблюдал своих знаменитых вьюрков. На довольно молодых в геологическом плане вулканических Галапагосах сформировались очень разнообразные природные условия, в результате чего из всех изначально возможных вариаций исходного вида вьюрков в одних местах, где пищу можно было добывать лишь под дерном, выжи-

ли вьюрки с массивным клювом; там же, где пища существовала в щелях деревьев, большинство птиц имело длинный клюв — и подобных различий было множество. Вот уж поистине классический пример: разные условия жизни настолько изменили внешний облик птиц, что они с трудом походили друг на друга. Однако все они остались всего лишь вьюрками. Молодой же возраст островов являлся прекрасным свидетельством, что тут имеет место лишь отсев неблагоприятных признаков, исходно заложенных в разнообразии вида — уж слишком мало времени прошло для возможности “развития” какого-либо нового признака. Но Дарвин самозабвенно верил в прогресс, и столь незначительные несоответствия его не волновали. Это была находка всей его жизни. Вскоре естественный отбор был провозглашен им движущим фактором образования не только подвидов, но и далее — почему бы и нет? — видов, родов, семейств, классов, царств. Главным же выводом, вытекавшим из всего этого было именно то, чего давно уже с восторгом предвкушения ждала “просвещенная” публика: *Все возникло само по себе. Творение не имеет нужды в Творце.*

“Происхождение видов”

— Кого ты там видишь?

— Никого.

— Мне бы такое зрение! Увидеть *Никого!*
Да еще на таком расстоянии!

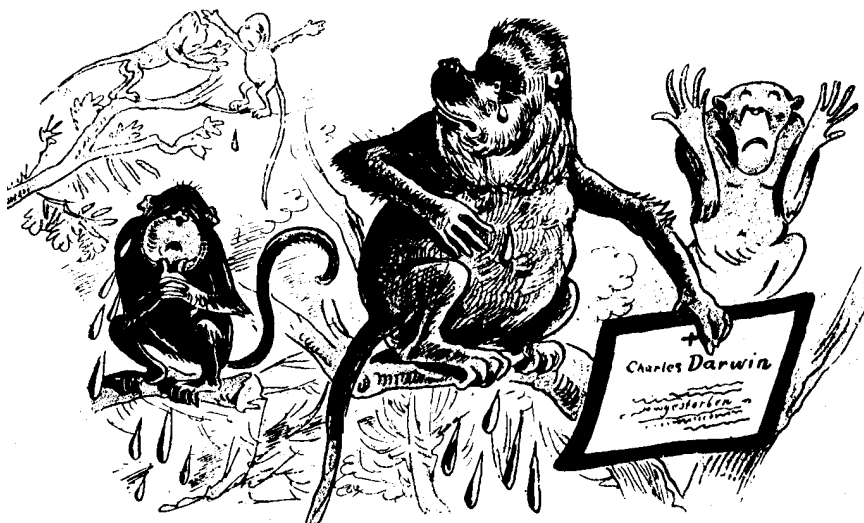
Не вызывало сомнений, что о научности этого заявления говорить не приходится, и подтвердить его так же невозможно, как и опровергнуть. Сам Дарвин прекрасно понимал это. Более двадцати лет он не решался обнародовать свои идеи. *Будущая книга весьма разочарует вас*, — писал он своему другу за год до публикации “Происхождения”, — *уж очень она гипотетична*. В предисловии к первому изданию он честно признавал: *Я уверен, что в этой книге вряд ли найдется хоть один пункт, к которому нельзя подобрать факты, которые приводили бы к прямо противоположным выводам, чем те, к которым пришел я*. Тем не менее, шила в мешке не утаишь, и 24 ноября 1859 г. книга **О происхождении видов путем естественного отбора или сохранении благоприятствуемых пород в борьбе за жизнь** вышла в свет.

Шквал научной критики обрушился на произведение натуралиста-любителя, уже семнадцать лет жившего тихой семейной жизнью в своем загородном имении в Дауне, Кент. Критики указывали на полную безосновательность выводов автора. Несмотря на огромное количество собранного фактического материала о как искусственном, так и естественном отборе благоприятных признаков, исходно заложенных в биологическом виде, в книге не было сделано ни одного серьезного научного заключения лишь об одном — собственно о происхождении видов. Центральное место в книге занимали главы *Трудности, встречаемые теорией, Возражения против теории* и *О неполноте летописи окаменелостей*, как обсуждавшие факт отсутствия убедительных свидетельств в пользу предлагаемой теории, так и содержащие пространные рассуждения о том, как же собственно эти факты отсутствуют, и почему они отсутствуют именно таким, а не каким-либо другим образом. Дарвин снова замкнулся в деревне и на вопросы критиков не отвечал, хотя в предисловии к третьему изданию вынужден был признать, что на обсуждение вынесена всего лишь гипотеза, отнюдь не доказанная, но уже *достаточно скомпрометированная некоторыми ее сторонниками*.

Но кому в действительности интересны частности анализа той или иной идеи кабинетными писателями из университетских ла-

бораторий? На полке книжного магазина наконец-то появился *товар*, столь давно ожидаемый стосковавшейся по животному предку и готовой к дальнейшему “происхождению” публикой. И если мы не будем брать в расчет вышеупомянутых мелочей, эффект появления этой книги можно было бы определить лишь одним словом: Триумф! Все 1250 экземпляров были распроданы всего за один день! В течение двух месяцев было напечатано 3000 экземпляров второго издания, которое также разошлось с невероятной быстротой. Вряд ли кто-либо сейчас возьмется определить, сколько всего изданий выдержало это произведение. Еще при жизни автора оно вышло на второе место после Библии по интенсивности появления переводов на другие языки. К закату своей жизни корифей научного тотемизма почивал на лаврах своей всемирной славы. В автобиографии, симптоматично озаглавленной **Воспоминания о развитии моего ума и характера**, он наконец-то смог открыто объявить о главном источнике своего вдохновения:

вряд ли я в состоянии понять, каким образом кто бы то ни был мог желать, чтобы христианское учение оказалось истинным. Это учение отвратительно.

На карикатуре 1882 г. (*Kikeriki*), плачущие обезьяны наивно причитают: “Дарвина больше нет! Кто же теперь будет защищать наше дело?”

Явление питекантропа потомкам (Часть 1)

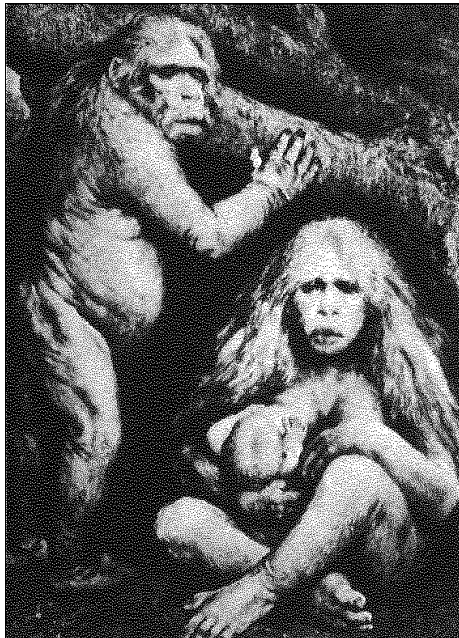
Разве это чепуха? Слыхала я такую чепуху, рядом с которой эта разумна, как толковый словарь!

В самой книге **Происхождение видов** Дарвин не стал касаться наиболее животрепещущей темы — происхождения человека. Он лишь намекнул, что благодаря этой работе *будет пролит свет на происхождение человека и его историю*. Лишь спустя 12 лет (когда я увидел, что многие натуралисты полностью приняли учение об эволюции видов) он решился опубликовать недостающую главу отдельной книгой. Однако уже из первой книги было ясно, к чему клонит старик, и идея широко дискутировалась повсюду — от пивных до академических аудиторий.

Новая идея была хороша во всех отношениях, за исключением одной лишь малости — **не существовало ни одного свидетельства в ее поддержку**. Науке были известны люди — как живые, так и ископаемые; науке были известны обезьяны — как живые, так и ископаемые. Но ни одной промежуточной формы между человеком и обезьяной — ни живой, ни ископаемой, ни настоящей, ни воображаемой — не существовало. Но так ли это важно? Мы-то **знаем**, что так оно и было. И если доказательств действительно нет, что мешает нам напрячь наше воображение и представить, какими бы эти доказательства были, если бы они существовали.

Наибольшей степени напряжения воображения удалось достичь в Германии, где только что избранный на должность профессора университета Иены молодой зоолог Эрнст Генрих Филипп Август Геккель создает портретную галерею предков человека. При этом восторженные потомки узнали не только как выглядела их древняя родня, но и как она называлась. Главные герои этой истории носили имена *питекантроп* (обезьяночеловек) и *зоантроп* (ранний человек или человек зари).

К сожалению, изображением последнего мы не располагаем, поскольку *зоантроп* был запечатлен верхом на *зогипусе* (ранней лошади), в связи с чем был поднят на смех даже соратниками по происхождению, поскольку по их представлениям зогипус должен был существовать на несколько миллионов лет раньше человеческих предков, а потому Геккель счел за благо больше не публиковать этой картинки. Питекантроп же начал свое триумфальное шествие по страницам книг и журналов, причем не один, а вместе со своим семейством: женой и младенцем — именно так изобразили его

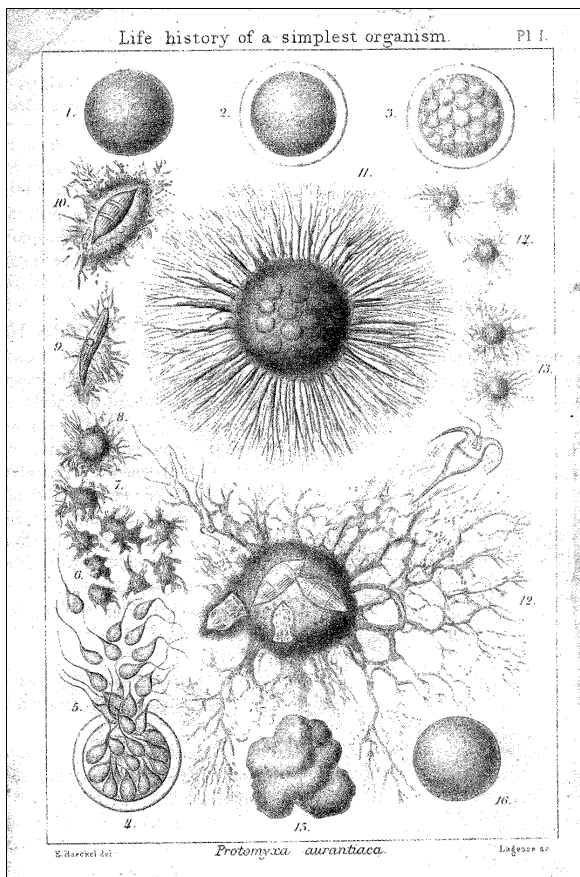
Pithecanthropus alalus (обезьяночеловек неговорящий) по Геккелю

Геккель и помогавший ему профессиональный художник Гебриел Макс. Подпись под картинкой гласила: *Pithecanthropus alalus*, что означало *обезьяночеловек неговорящий* (Геккель считал, что именно речь отличает человека от обезьян). Если бы не противоестественное положение большого пальца на ногах спутницы жизни главного героя, картину вполне можно было отнести к бытовым сценам пост-дарвиновского общества “Опять напился”. Впрочем, современники Геккеля неоднократно отмечали, что это должен был быть самый счастливый брак, ибо жена никогда не могла высказать главе семьи свою собственную, альтернативную, точку зрения на происходящее.

Естествоиспытателя интересовала родословная не только человека, но и всего живого

мира. Дабы заткнуть явно зиявшую в трудах Дарвина дыру между живым и неживым миром, Геккель создает целую повесть в картинках о личной и общественной жизни никогда не существовавшего и никем не виданного *монерона* (он же — *Protomyxa aurantica*, он же — *Protamoeba primitivia*, звучит весьма научно, не так ли?) — “ожившего” сгустка протоплазмы. Но придумывание новых существ не было пределом творческих возможностей Геккеля, и он пошел дальше, став сочинять новые законы природы.

Основной изобретенный Геккелем закон был назван им *биоге-нетический закон*, или *закон эмбриональной рекапитуляции*, гласивший, что *онтогенез является рекапитуляцией филогенеза*. На человеческом языке это должно было означать, что каждый организм за период эмбрионального развития повторяет все стадии, которые его вид должен был пройти в ходе эволюционного развития. Под “каждым” организмом в первую очередь понимался организм человеческий, и таким образом утверждалось, что каждый новый

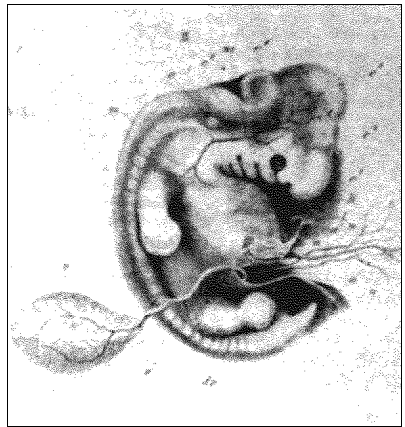
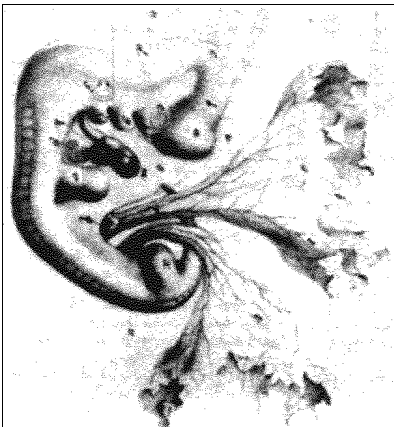
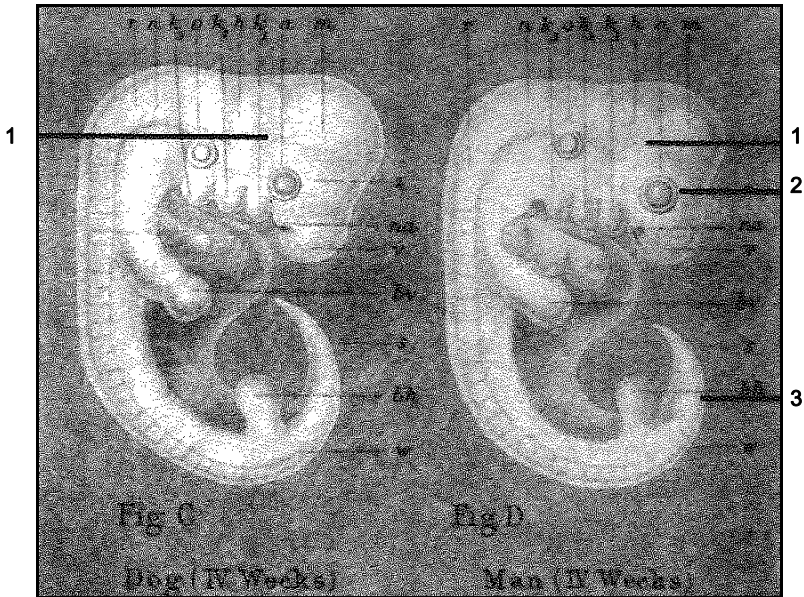

Жизнь и удивительные приключения *Монерона* — никогда и никем не виданного «ожившего» сгустка древней протоплазмы. Порождение фантазии Эрнста Геккеля, незаслуженно недооцененное современными ему основателями психоанализа.

человек, как некогда — все живое, начинает свое существование с одной-единственной плавающей в жидкой среде клетки (почему-то пропуская стадию пресловутого монерона), затем становится беспозвоночным существом, затем — рыбкой, затем — собачкой (Геккелю удалось раздобыть картинку эмбриона именно собаки), и лишь потом достигает стадии человека. Дарвин сразу же объявил биогенетический “закон” главным (поскольку — единственным) доказательством своей теории.

Геккель никогда в жизни не занимался эмбриологией, но при первом же взгляде довольно легко обнаружил на изображении человеческого эмбриона как рыбы жабры, так и собачий хвост, причем — одновременно. При втором взгляде все оказалось не столь

Эволюция мифа

Вверху: эмбрион собаки (слева) и человека (справа) в возрасте четырех недель, изображенные Геккелем (по **The History of Creation, 1883**).

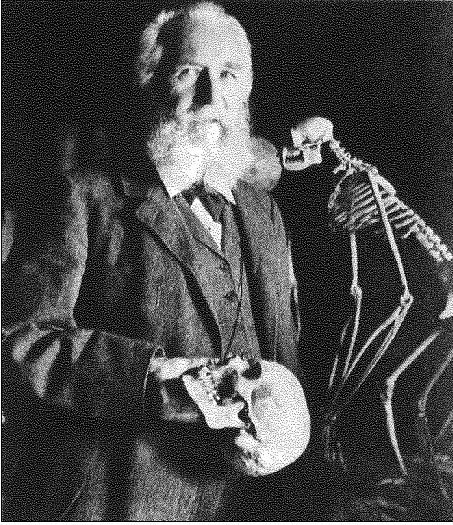
Внизу: те же эмбрионы в работах, на которые Геккель при этом ссылается (*Bischoff, Ecker*). Очевидны явные искажения размеров черепа (1), структуры глаза (2), длины позвоночного столба (3). Прив. по *Grigg, 1996*.

очевидным, а человеческий и собачий эмбрионы обнаруживали больше различий, чем сходств. Но тут опять пришли на выручку художественные способности естествоиспытателя. Отбросив не устраивавшие его картинки из научных монографий, он тут же нарисовал свои собственные, каковыми и снабдил вышедшую в 1868 году книгу “Естественная история творения”.

В среде специалистов публикация этой книги вызвала шквал хохота и бурю возмущения. Геккелю, как жителю Иены (родины наиболее точных оптических приборов) предлагалось компенсировать проблемы со зрением при помощи изделий, выпускаемых в его родном городе, дабы убедиться, что никакого хвоста у человеческого эмбриона нет — его позвоночник на всех стадиях развития имеет ровно тридцать три позвонка, он лишь несколько выдается назад на ранних стадиях из-за отличающейся скорости роста. Голова у эмбриона тоже непропорционально велика, но это не повод утверждать, что он проходит стадию слона. Так же и кожные складки шейно-челюстной области эмбриона не имеют ничего общего с жаберными щелями. Сама мысль, что эмбрион получает кислород при помощи жабр из околоплодной жидкости, могла быть только совместным порождением безудержной фантазии и полной безграмотности. Человеческий эмбрион, начиная с самой первой клетки, является именно человеческим организмом, быстро и целенаправленно развивающимся в соответствии с заложенной в него программой.

Ряд ученых напрямую обвинил Геккеля в подлоге иллюстраций, и “законодатель” был вынужден официально признать, что *несколько подретушировал* картинки, *потому что все так делают* (при сравнении геккелевских рисунков с исходными изображениями масштабы “ретуши” видны невооруженным глазом). Ученый совет университета Иены официально признал идею Геккеля несостоятельной, а самого автора виновным в научном мошенничестве, и тот был вынужден уйти в отставку.

По ходу дела Геккель изобрел еще один “закон” — *закон пedomорфоза*, гласивший, что взрослый представитель вида несет черты детеныша своего эволюционного предка, так что ребенок питекантропа должен был иметь такое же строение скелета и черепа, что современный взрослый человек. Идея по большому счету даже не обсуждалась. Председатель антропологического общества, основатель патологической анатомии Рудольф Вирхов, читавший Геккелю лекции в университете, публично признался, что никогда не питал иллюзий по поводу умственных способностей своего ученика, получившего к тому времени прозвище *Der Ketzer von Jena* (*слепень из Иены*).

Эрнст Геккель, исполняющий свое
коронное шоу

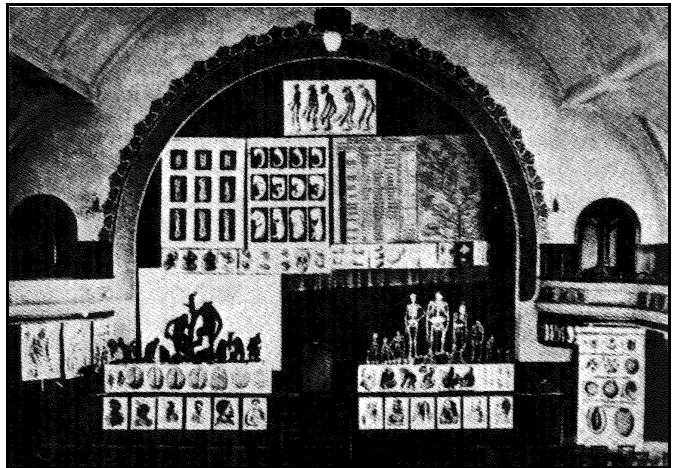
На этом научная карьера Геккеля кончилась, и остаток своей жизни человек, явивший миру питекантропа, посвятил чтению популярных лекций в арендуемых залах рабочих районов, чем готовил почву для превращения социал-дарвинизма в национальную политику Германии. Свои лекции Геккель любил обильно сдабривать иллюстративным материалом типа скелетов, эмбрионов и проч., благодаря чему они были широко известны под названием “Страсти по Дарвину”.

Впрочем, один закон этого мира Геккель действительно открыл — наиболее бредовые идеи обладают наибольшей живучестью. Хотя уже прошло сто лет с

тех пор, как теория рекапитуляции признана научной ложью, портреты Геккелевских эмбриончиков продолжают кочевать из одного школьного учебника в другой, иногда даже попадая на обложки.

Действительно, кому какое дело до того, что думают по этому поводу специалисты. Мы-то *знаем*...

Декорации
в Берлинском
театре,
арендованном
Геккелем
для лекций по
эволюции.
Иконостас,
через царские
врата которого
вместо “Я Есмь”
появляется
“я сам”.

Явление питекантропа потомкам (Часть 2)

*И притом Балабон — говорим не в упрек —
Полагал, и уверен был даже,
Что раз надо, к примеру, ему на восток,
То и ветру, конечно, туда же.*

Итак, камердинер торжественно и громогласно объявил: “Дамы и господа, — его превосходительство Питекантроп!”. Публика почтительно отступила назад. Те, кто стоял подальше, приподнялись на носках, чтобы лучше видеть. Все, затаив дыхание, замерли в ожидании. А долгожданный обезьянообразный предок и не собирался показываться. Время шло, годы сменялись годами. Гробовая тишина перешла в гомон удивления, кое-где — возмущения. В задних рядах все чаще звучали нотки иронии и сарказма, за которыми, как правило, раздавался взрыв совершенно беспардонного смеха. И даже среди главных действующих лиц этого представления далеко не у всех хватало артистизма, чтобы продолжать держать столь затянувшуюся паузу. Спасти положение могла только смелая импровизация, но способен ли был кто-нибудь из корифеев решиться на такое? — уж больно пахло скандалом. Вот тут-то, в наиболее критический момент, на сцене появился наслушавшийся геккелевских лекций 29-летний голландский врач *Эжен Дюбуа*.

Дюбуа объявил коллегам, что оставляет работу в университете и намерен вместе со своей недавней ученицей, а ныне — молодой женой Анной отправиться в восточные колонии, дабы найти “скрывающегося” там питекантропа. Горячий энтузиазм Дюбуа был встречен полным непониманием. Особенно трудно было растолковать скептикам, во-первых, почему нужно ехать именно на край света в

Отправляясь с женой в путешествие, Эжен Дюбуа не забыл сделать снимок для истории
(Из семейного альбома).

Индонезию, куда, даже в случае удачи экспедиции, не доберется ни один палеонтолог, способный подтвердить истинность находки, да и что, собственно, там было делать нашему предку; во-вторых, почему необходимо ехать именно сейчас, когда у жены вот-вот подходит срок рожать своего первого ребенка. Так или иначе, пылкие заверения типа “я там найду *его!*” не производили впечатления на государственных чиновников. После долгих месяцев безуспешных попыток получить финансирование экспедиции, Дюбуа вербует на должность хирурга колониальных войск и, без малого два месяца проболтавшись в тесной каюте парохода “Принцесса Амалия” вместе с женой и дочкой, родившейся незадолго до отплытия, высаживается на Суматре.

Голландская военная администрация Малайского архипелага, скучая вдали от родины, заинтересовались идеями Дюбуа гораздо больше, чем их континентальные коллеги. В распоряжение исследователя было придано два горных инженера с полусотней солдат, и, не обременяя себя работой в госпитале, Дюбуа старательно, но безрезультатно обследовал окрестные пещеры. Вскоре ему сообщили, что на острове Ява найден ископаемый человеческий череп. Дюбуа незамедлительно отправился туда, обследовал место находки и обнаружил еще один череп, точно такой же. Хотя оба черепа были совершенно окаменевшие, не возникало и тени сомнения в том, что это были обыкновенные человеческие черепа, что никак не способствовало задаче обнаружения “промежуточного звена” — питекантропа. Дюбуа благоразумно припрятывает находки, но начинает более систематическое исследование отложений, в которых они были сделаны, и довольно быстро обнаруживает целые залежи окаменелостей различных животных на берегу реки Соло. После месяца разработки этого “месторождения” рабочие находят окаменевший обезьяний зуб, а еще через месяц, в октябре 1891 г., была обнаружена столь знакомая нам по картинкам в учебниках черепная крышка. Счастливый Дюбуа сразу же отправил отчет о находке в *Горнорудный бюллетень*: *Не вызывает сомнения, что обе окаменелости принадлежат крупной человекообразной обезьяне.*

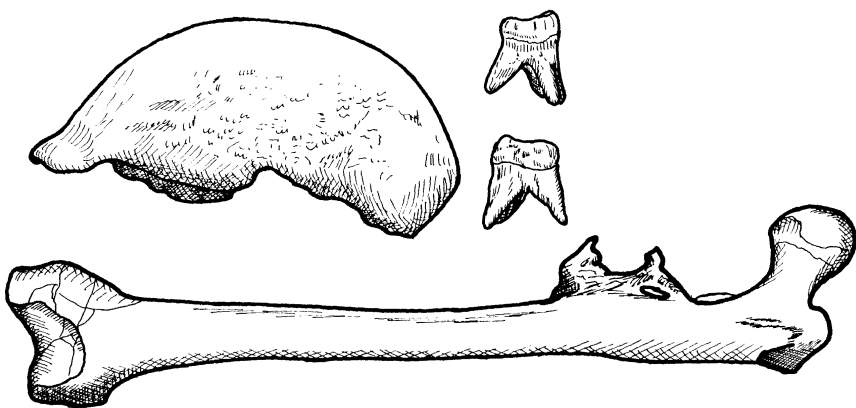
Последующие раскопки долго не радовали исследователя чем-либо, связанным с обезьяноподобным предком. Попадались всякая всячина — окаменевшие кости стегодонов, крокодилов, носорогов, оленей, гиен, свиней. Все это было не более интересно, чем хранящиеся в отдельном ящичке два человеческих черепа. Но кому может быть интересен человек или стегодон? Похоже, главной мечте всего предприятия так и не суждено было сбыться. Не исключено, что именно такие мысли тяготили Дюбуа, когда спустя год после обнару-

жения крышки обезьяньего черепа в пятнадцати (!) метрах от нее была найдена человеческая бедренная кость.

Кость имела две характерные особенности. Во-первых, ее обладательница (а это, несомненно, была женщина) была довольно грузной дамой. Во-вторых, у нее имелось весьма серьезное костное заболевание в запущенной форме, но, несмотря на это, она достигла преклонных лет. Последнее было возможно лишь в культурном обществе, где проявлялась забота о больных сородичах — в дикой природе ни одно существо с таким заболеванием не смогло бы выжить. Тем не менее, Дюбуа положил эту кость рядом с прошлогодней находкой. У него зрела идея — а не принадлежали ли эти окаменелости одной и той же особи? Прошел еще год, прежде Дюбуа поверил в собственный вымысел настолько, что решился опубликовать свои выводы. За это время “прииск” принес свежий урожай — обезьяний зуб, а также новые человеческие окаменелости — еще четыре женские бедренные кости, и зуб. Но этим, последним, находкам суждено было долго лежать в пыльном ящике, прежде чем исследователь вновь извлечет их на свет.

И вот, в 1893 г. Дюбуа наконец послал на континент телеграмму, возвестившую миру об обнаружении “недостающего звена” — долгожданного предка, которому он дал гордое имя *Pithecanthropus Erectus*, обезьяночеловек прямоходящий (форма бедренной кости не вызвала сомнения о прямохождении, в то время как по имевшемуся материалу трудно было судить, был ли “он” неговорящим, голубоглазым, или каким-либо еще). Неподалеку от

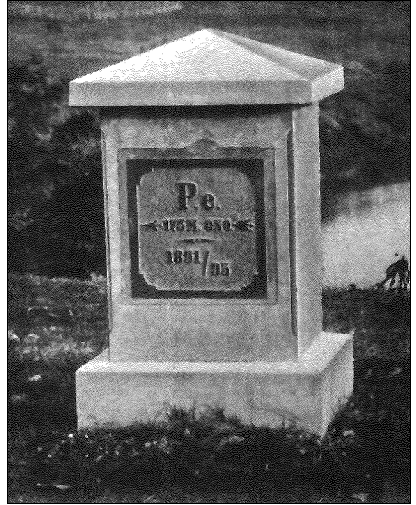
Homo Erectus, он же — Питекантроп, он же — Яванский человек.
Набор “сделай сам”, составленный Дюбуа из яванских находок (Бауден, 1996).

места находки открыватель собственноручно водрузил монумент с инициалами пращура на плите из черного мрамора.

Первая реакция на сообщение последовала незамедлительно. Это была телеграмма Геккеля: *Поздравления от изобретателя питекантропа — его счастливому открывателю*. Антропологи же не торопились восторгаться, ожидая официальной публикации. Дюбуа не заставил долго ждать ее и отправил на материк статью **Pithecanthropus Erectus, человекоподобная переходная форма с Явы**, где описал

подробности находки, а также указал, что объем мозга питекантропа составлял около 900 см³. Каким образом была определена эта цифра при наличии у исследователя всего лишь задней крышки черепа и бедренной кости, было неясно. Похоже, что приводилось среднее арифметическое значение этого параметра между мозгом человека и человекообразной обезьяны. В ответ последовала восторженная статья Геккеля. Он писал: *обнаружен типичный плиоценовый образец* [непонятно, каким образом первый же обнаруженный образец может быть типичным или нетипичным], *принадлежащий высшим Catarrhines (узконосые [!?] обезьяны), которые являлись [sic!] питекоидными предками человека. Это — то самое долгожданное Недостающее Звено*.

У остальных исследователей публикация деталей находки вызвала лишь недоумение — на каком основании Дюбуа решил, что эти кости принадлежали одному существу? Почему он связал человеческую бедренную кость с крышкой черепа животного, найденной на таком удалении, а не каким-нибудь находящимся рядом фрагментом черепа свиньи или крокодила? А если в радиусе 15 метров от первого найдется еще одно бедро (знал бы автор этого замечания, насколько он был близок к истине!), и оно тоже окажется левым, будет ли это означать, что у нашего предка обе ноги были левые? И если это действительно был питекантроп, что явилось причиной столь страшной его кончины, когда даже самые близлежащие части останков

Поклонный камень, установленный Дюбуа на высоте близ "обиталища" питекантропа

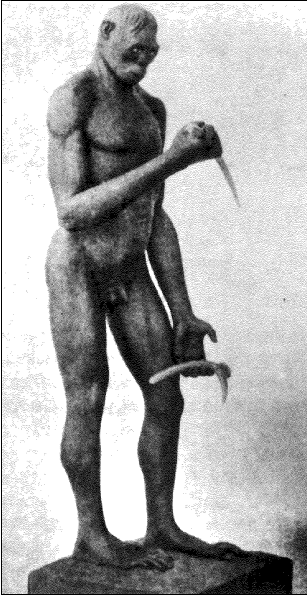
оказались разбросанными на 15 метров — ведь пороха тогда еще, по всей видимости, не существовало? В общем, вопросов было достаточно и все с нетерпением ждали, того момента, когда в 1895 году Дюбуа вернулся со своими находками в Европу.

Всего Дюбуа привез с собой 15 ящиков с окаменелостями, однако на обозрение публики были выставлены лишь две вышеупомянутые кости и два обезьяньих зуба. Рудольф Вирхов, который являлся бесспорным авторитетом в областях сравнительной и патологической анатомии, указав на глубину швов черепа, констатировал: “*Это — животное. Скорее всего — гигантский гиббон. Бедренная кость ни малейшего отношения к черепу не имеет*”, и отказался как возглавлять собрание, так и принимать дальнейшее участие в дебатах.

Какому бы существу ни принадлежала черепная крышка, бедро было очевидно человеческим и на питекантропа явно не тянуло. Исследователю был предложен компромисс: считать яванскую находку не *Pithecanthropus*, а *Homo*, т.е. человеком, но очень-очень древним. При этом “предку” разрешалось оставить фамилию *Erectus*, ибо, помимо прямохождения, о хозяйке бедра ничего известно не было. Дюбуа же был непреклонен и меньше чем на питекантропа не соглашался. Любую критику он принимал на свой личный счет, выслушивал оппонентов с плохо скрываемым нетерпением и никогда не подозревал у них желания установить истину. Он соорудил для “питекантропа” специальный чемоданчик и колесил со своим “приятелем” по всей Европе, показывая его везде, где только можно и никогда с ним не расставаясь (за исключением разве что одного случая, когда, засидевшись за полночь в небольшом парижском ресторанчике, забыл там своего молчаливого друга, но никто тогда на это сокровище не позарился).

Рудольф Вирхов

Питекантроп, созданный
Дюбуа на основании
женской бедренной кости и
крышки обезьяньего
черепа

Позже, используя имевшийся материал, собственное воображение и помощь позаировавшего ему сына, Дюбуа изваял задумчивое существо (почему-то — мужского пола), по сей день украшающее экспозицию Лейденского музея, и нежно называемое его сотрудниками *Пит*.

Так и не добившись научного и общественного признания своего героя, Дюбуа укрылся с ним от не желающей принять очевидное публики более чем на двадцать лет. Тем не менее, истина публику интересовала, и в 1907-08 годах, несмотря на удаленность Явы, туда отправилась специальная экспедиция под руководством профессора Леноры Селенка, подготовленная скончавшимся перед самым началом экспедиции ее мужем, также профессором Эмилем Селенка. Экспедиция была организована в соответствии с высшими стандартами палеонтологии. Все участники, включая 75 нанятых местных кули, жили в полевых условиях, что позволяло описывать и идентифицировать находки непосредственно *in situ* (на их “родном” месте). В ходе экспедиции, копавшей в том же самом месте, где и солдаты Дюбуа, было

извлечено около десяти тысяч кубометров грунта с глубины до двенадцати метров от поверхности. Исследователям, работавшим на континенте, было отправлено 43 контейнера обнаруженных окаменелостей. Ни одной кости питекантропа обнаружено не было. Зато в тех же отложениях было найдено значительное количество следов человеческой деятельности — отщепов костей и слоновьих бивней, следов древесного угля. Вывод был однозначным: если питекантроп когда-либо и существовал, он был не предком, а современником человека, скорее всего — дегенеративной разновидностью.

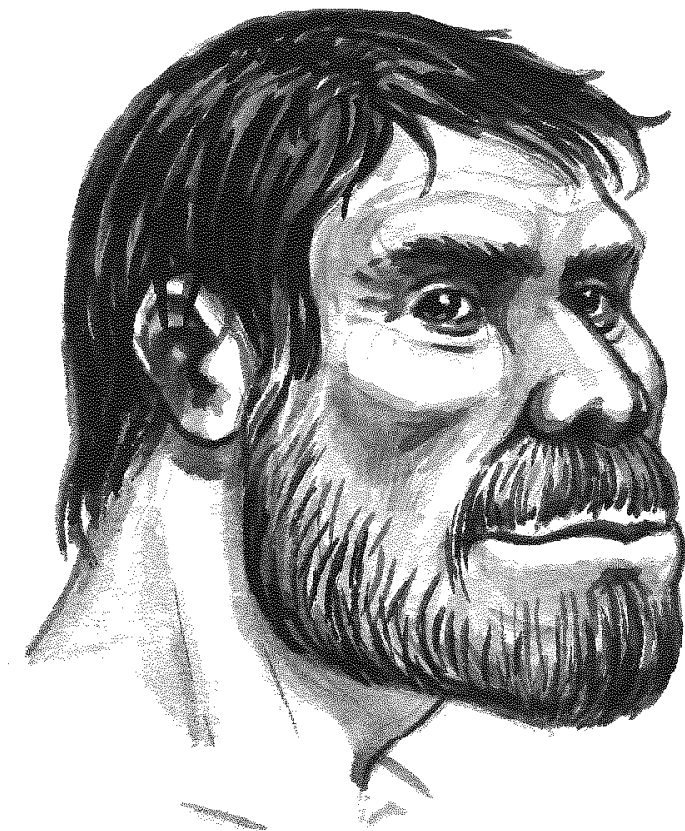
Несколько позже еще одна попытка обнаружить питекантропа на Яве была предпринята Фон Кенигсвальдом. Разместив свою резиденцию в трехстах километрах от раскопа, он, дабы стимулировать заинтересованность привлеченного к раскопкам местного населения, как-то показал работникам осколок окаменевшей черепной коробки и пообещал платить по 10 центов за каждый найденный

такой кусочек. Это в десять раз превышало дневную норму оплаты труда рабочего. Не прошло и недели, как сообразительные жители принесли незадачливому исследователю почти полсотни свеженаколотых маленьких фрагментов. Сколько черепов они изначально составляли, кому принадлежали и где были найдены — вряд ли кто-нибудь теперь узнает. Уж очень большой фантазии требовала задача их восстановления.

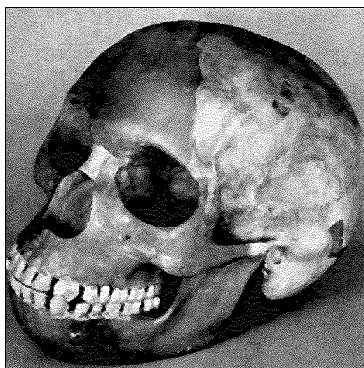
А что же сам Дюбуа? Он продолжал сидеть дома, время от времени обвиняя того или иного из бывших коллег в подлоге, и никому не показывая ни костей питекантропа, ни остальных своих находок. И лишь в 1920 г., когда профессор Смит сообщил об обнаружении в Австралии ископаемых останков самых древних представителей *Homo Sapiens*, возмущенный Дюбуа не удержался (Как же так? Ведь самых древних людей нашел он!), и представил публике сначала — оба человеческих черепа, а затем и остальные бедренные кости. Такого никто не ожидал! Всемирно известный открыватель “питекантропа” ввел научную общественность в заблуждение, утаив самые принципиальные находки! Ведь если бы он выложил все трофеи одновременно, никому и в голову не пришло бы, что между человеческой бедренной костью и фрагментом обезьяньего черепа существует какая-либо связь — тут же лежали бы настоящие человеческие черепа.

На этом недолгая история питекантропа и закончилась. Незадолго до своей смерти Дюбуа признался, что обнаруженная им черепная крышка принадлежала большому гиббону. Впрочем, просвещенный мир расставался с питекантропом без особой грусти. Все учебники уже украшали портреты другого звероподобного предка — зоантропа, правда уже без лошади...

Эоантроп (Пилтдаунский человек).
Реконструкция черепа (справа)
и внешнего облика (сверху).

Самый старый англичанин

*— У нас, когда долго бежишь со всех ног,
неприменно попадешь в другое место.
— Какая медлительная страна! А здесь,
знаешь ли, приходится бежать со всех ног,
чтобы только остаться на том же месте!*

Как оказалось, для нахождения звероподобного предка вовсе не нужно было отправляться за тридевять земель. Главное — точно сформулировать, что же именно нужно найти, и это найдется само.

В 1908 году, в тихом уголке Великобритании Сассексе, неподалеку от поселка Пилтдаун, рабочие, рывшие траншею, нашли окаменевший человеческий череп. Поначалу, недооценив находку, они разбили его киркой, выворачивая из многовекового грунта. Затем находку было решено передать Чарльзу Доусону — местному нотариусу, увлекавшемуся краеведением и собиравшему всевозможные древности, связанные с историей родного края. Он был весьма уважаемым человеком. Соседи, друзья и знакомые испытывали доверие и симпатию по отношению к нему, и рады были, когда могли, помочь ему в этом увлечении.

Доусон стал время от времени продолжать раскопки, и через три года нашел еще один фрагмент того же черепа. Убедившись таким образом, что место находки указано правильно, Доусон показал трофеи своим друзьям, увлекавшимся антропологией: сэру Артуру Смиту Вудворду — хранителю геологического отдела Британского Музея, и Пьеру Тейяру де Шардену — католическому монаху, страстному любителю всяческих естественных наук и антропологии, с 1908 года изучавшему богословие в расположенном неподалеку в Хастингсе Иезуитском колледже и в 1911 принявшему там же сан священника.

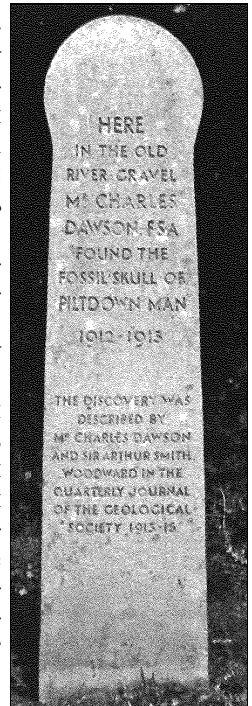
В 1912 году они продолжили раскопки втроем. Однако новых участников не особо интересовала история Сассекса — они лелеяли мечту обнаружить то самое вожаденное недостающее звено. И — о, чудо! — в первый же день раскопок была найдена половина челюсти, абсолютно такой же, как у современных орангутанов, но с более плоской поверхностью зубов, как у человека. Правда, поскольку верхний суставной отросток челюсти был отломан, невозможно было сказать, стыковалась ли эта челюсть с этим черепом, но цветом и фактурой поверхности они были похожи. Помимо этого был найден ряд окаменелостей именно тех самых животных, которые, как предполагалось, должны были быть современниками обезьяночеловека —

слона, гиппопотама, мастодонта и бобра, а также несколько кремневых орудий.

В декабре состоялось заседание Геологического общества, подводившее итоги сезона. Находки Доусона и его компании были признаны интересными, но недостаточными для каких-либо далеко идущих выводов. Череп был явно человеческим, а челюсть — явно обезьяньей. Главный признак, по которому можно было определить, какому существу принадлежит эта челюсть, — клык — отсутствовал. Впрочем, у сэра Вудворда не вызывало сомнений, что клык будет найден. Приняв во внимание это заверение, еще не совершенному открытию было присвоено научное имя *Eoanthropus dawsoni*, т.е. Эоантроп Доусона — в честь его первооткрывателя.

30 августа 1913 года, на следующий же день после того, как, по приезду де Шардена, все трое исследователей снова собрались вместе, недостающий клык был обнаружен, и имел именно такую форму, какая была нужна, чтобы убедить скептиков! На этот раз итоговое заседание Геологического общества закончилось триумфом — всему миру было объявлено об открытии Пилтдаунского человека — Эоантропа Доусона. Бренные останки дорогого пращура были убраны глубоко в закрома Британского музея естественной истории, и всем желающим поработать с ними выдавались лишь гипсовые копии этого сокровища.

Художники наперебой бросились воссоздавать портретные изображения предка, с виртуозностью “воссоздавая” основательность осанки, ширину плеч, пронизательность взгляда, форму век, носа, губ, ушей, а также степень лохматости, которыми эти череп и полчелюсти “обладали при жизни”. Эоантроп дружески глядел на потомков со страниц газет, журналов, научных монографий и школьных учебников. Альберт Эйнштейн и Чарли Чаплин могли лишь завидовать такой популярности. Тысячи паломников — ученых и не очень — устремились в Сассекс на родину эоантропа, где для поклонения животному предку человечества был установлен специальный монумент характерной формы.

“Здесь, в древнем речном гравии, г-н Чарльз Доусон нашел ископаемый череп Пилтдаунского человека. 1912-1913 гг.” Поклонный камень на месте находки.

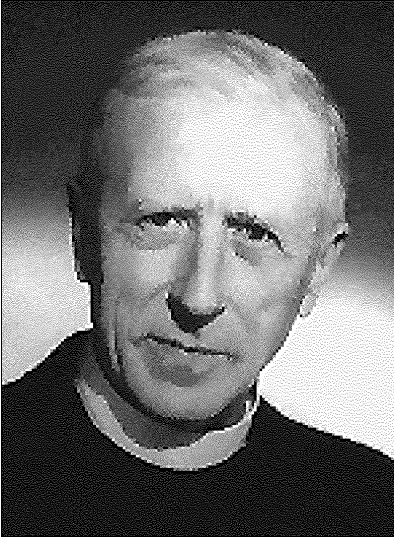

Нужно признать, что эоантроп был обнаружен как нельзя кстати — вот уже более пятидесяти лет прошло после опубликования “Происхождения видов”, а промежуточное звено так и не было найдено, и уже второе поколение ученых-тотемистов продолжало обсуждать, *почему и как именно* оно отсутствует. На Яванского человека, найденного Дюбуа, особых надежд возлагать не приходилось. Правда, незадолго до этого, в 1907 году, была сделана одна интересная находка в Германии близ Мауэра — массивная окаменевшая человеческая челюсть с зубами нормального для современного человека размера. Челюсть была передана в университет Гейдельберга, за что сначала получила название Гейдельбергского человека (*Homo heidelbergensis*). Однако, кроме размера, ничего подозрительного в ней не было — обыкновенная человеческая челюсть. Примерно такую же (и по форме, и по размерам) носят современные герои голливудовских боевиков, специализирующиеся на пересчитывании костей тем, кто челюстью не вышел. В “гомо голливудис” челюсть переименовывать не стали, а пристроили ее в недостающие детали Яванского человека, определив как *Homo erectus* (*Человек прямоходящий* — вот уж, поистине, чудеса науки: по зубам походку определяют), по-видимому, собираясь собрать первого человека по частям. Что же касается эоантропа, тут уж никаких сомнений не было — и человеческие, и обезьяньи признаки были явно налицо. Честь Дарвина была спасена!

Пилтдаунский человек стал объектом самого широкого исследования антропологов. Не существовало ни одного музея, не посвятившего эоантропу специальной экспозиции, рассказывавшей посетителям, как наш предок выглядел, как жил, что ел-пил, над чем работал, какие имел достижения в труде и личной жизни. Сотни специалистов по всему миру, затаив дыхание, просиживали ночами над гипсовыми слепками его костей, составляя диссертации о том, как именно он происходил, сперва — из обезьяны, потом — в человека, и почему, вопреки существовавшим ранее теориям, у эоантропа сперва развился человеческий мозг, а уже потом — все остальное.

Что же касается Тейяра де Шардена, его мало интересовали эти чисто технические частности — он начал разрабатывать “новый” глобально-философский подход к эволюции, достигая в этом высот, не снисшихся ни Дарвину, ни Геккелю. Подобно тому, как некогда Энгельс приложил гегелевские законы диалектики к материалистической философии (чем окончательно запутал материалистов, ибо, если материя первична, почему она должна подчиняться законам развития идей?), де Шарден ринулся толковать, а затем и развивать

в узко-материалистическом смысле идеи Генри Бергсона, которым увлекался со студенческой скамьи. В итоге де Шарден (кстати сказать, — дальний отпрыск Вольтера) объявил об открытии никем доселе невиданного и неслышанного, но, несмотря на это, — всеобщего закона: *закона усложнения*, подчиняясь которому, *преджизнь*

Тейяр де Шарден

(потрясающий эвфемизм, обозначающий неживую материю), имея *врожденную тенденцию к психическому давлению строительства* и подчиняясь *непреодолимому стремлению к высшему развитию*, сама по себе самоорганизуется в жизнь (чего, правда, наблюдать никому почему-то не довелось); живая же материя *безудержно* преобразуется в мыслящую, подвергаясь *церебрализации и цефализации* (под *мыслящей материей* подразумеваемое мы с вами). Но этим дело не кончается. Коллективный разум всех людей *неизбежно* должен слиться в единое целое, преобразовав уже существующую биосферу в *ноосферу* — сферу разума. Все человеческие культуры и религии, по мнению де Шардена, должны были слиться в единой *точке Омега*,

которую автор отождествлял со Христом. Дарвиновская эволюция предполагалась тем самым механизмом, через который этот “закон” осуществляется. Самым же удивительным было то, что все эти концепции были представлены как *истинно христианское* учение.

На самом деле, эта чисто пантеистическая идея не имела ничего общего ни с наукой (в природе повсеместно наблюдаются не слияние простых структур в сложные, а, наоборот — распад, разложение, деградация, описываемые законами термодинамики), ни с Библией. Писание учит, что именно человеческий грех явился причиной появления смерти и страданий, но милостивый Бог послал в мир Своего Единородного Сына, умершего на голгофском кресте, дабы искупить этот грех и дать всему творению возможность избавления от рабства тлена и спасение — каждому человеку (а не некой совокупной *мыслящей материи*). Однако де Шарден вслед за Дарвиным утверждал, что человек и появился-то лишь благодаря миллионам лет непрерывных страданий и смерти, сопровождавших

борьбу за выживание. Оставляя же при этом место Богу, он подразумевал, что всеблагий Создатель сперва основал человечество на смерти и при этом объявил, что все творение *хорошо весьма*, а потом еще и обманул людей, представив в Своем Откровении совершенно иную картину. Упущено было из виду и то, что Писание, предсказывая слияние всех культур и религий, говорит не о Христе, а о царстве антихриста.

Растерявшийся в изобилии “научных” данных о происхождении человека Ватикан, не найдя, что возразить де Шардену, пошел по пути простых решений: в 1926 году вольнодумного монаха отстранили от преподавания в Парижском католическом институте и запретили ему публиковать труды по философии и богословию. Но это лишь добавило популярности как идеям де Шардена, так и их автору, закрепив за ним образ страдальца, гонимого инквизиторами за истину. К концу сороковых годов не признавать себя потомком обезьяноподобного родового предка было равносильно отречению от причастности к роду *Homo sapiens*. Приходы пустели, Церковь, как без малого две тысячи лет назад, становилась объектом насмешек и нападок окружавшего ее языческого мира. По-видимому, на ситуацию также повлияли и некоторые другие факторы, когда в 1950 году Папа Пий XII был вынужден обнародовать буллу **Humanis Generis**, гласившую:

Учение Церкви не запрещает эволюционному учению... быть предметом исследования специалистов... до тех пор, пока они производят исследования о происхождении человеческого тела из уже существующей живой матери, несмотря на то, что католическая вера обязывает нас придерживаться взгляда, что души созданы непосредственно Богом.

Таким образом был официально провозглашен отказ от Библейского учения о происхождении смерти — истина вечного слова Божьего была принесена в жертву сиюминутным представлениям науки. Вскоре за Ватиканом по этому же пути последовал еще ряд либеральных конфессий. Победа поклонников обезьяночеловека была явной и бесспорной. И вот тут-то, в самый неожиданный момент, случилось непредвиденное. То ли в музее не осталось никого из сотрудников, причастных к “открытию”, то ли они сами уже настолько поверили в свое детище, что утратили бдительность, — так или иначе, в 1953 году заветные кости были извлечены из хранилища и переданы для анализа на фтор.

Результат оказался неожиданным, словно удар молнии в громовотвод Британского музея посреди безоблачного дня. Ставший за сорок лет столь привычным эоантроп оказался... *подделкой!* Хотя

череп действительно был древним, челюсть оказалась почти современной — даже не совсем окаменевшей, зато искусно окрашенной — челюстью орангутана со “вставными” зубами. Более того, некоторые из “сопутствующих” окаменелостей оказались радиоактивными (о чем во время организации подлога даже нельзя было подозревать), и это говорило об их отнюдь не британском происхождении — именно таким составом радиоактивных веществ характеризовались находки северного Туниса.

Наступил всеобщий шок. Представители трех поколений экспертов-антропологов не смогли раскрыть подделку — они были просто одурачены! Сотни научных диссертаций во всех частях света были посвящены находке, оказавшейся всего лишь произведением хитрого злоумышленника. Единственное неоспоримое свидетельство, на котором держалось все здание эволюционного антропогенеза, растаяло, как дымок от сигареты подростка-лаборанта, заслышавшего шаги профессора. Над антропологами нависла тень безработицы. Лишь сотрудники Британского музея естественной истории не растерялись, и тут же в зале, еще вчера служившем храмом поклонения родовому предку, организовали экспозицию “Разоблачение мистификации”, восхищенно повествующую, каким великим достижением науки стало обнаружение подлога и насколько сложные ультрасовременные технические средства при этом использовались.

Ученые просто не решались задать себе самый важный вопрос: **Почему?** Как же так получилось, что практически все специалисты поголовно с такой легкостью, даже более того — с радостью поверили в этот обман? Уж не потому ли, что они уже до этого попали в зависимость от обмана еще большего? *Они заменили истину Божию ложью, и поклонялись, и служили твари вместо Творца*, не потому ли и *предал их Бог превратному уму*? Мало кто был готов услышать ответ на этот вопрос, а потому проблему перевели в другую плоскость — **Кто?** Кто этот негодяй, так подло обманывавший нас все эти годы?! Найти его! Подать его сюда! Призвать к ответу!

Первая же публикация охладила пыл борцов за справедливость, сообщив, что к ответу призывать вроде бы уже и некого — открыватель эоантропа Чарльз Доусон мирно почил еще в 1916 году. Что с него, покойного, возьмешь? Такой исход дела, похоже, многих устраивал, но очень скоро начали выплывать несоответствия. Доусона всегда интересовала история, а не антропология, и с самого начала он был не в восторге от раздуваемой вокруг находки шумихи. Ряд окаменелостей был привезен из Северной Африки, Доусон же никогда в жизни не покидал пределов родного Альбиона. Для того,

чтобы обмануть экспертов, мистификатор должен был быть не худшим специалистом в антропологии, чем они, да еще достаточно разбираться в химии, дабы столь умело подкрасить челюсть. Доусон же во всем этом был не сведущ, и найдя как-то окаменевший зуб, просил определить, человеческий ли он... своего дантиста.

Стали выдвигаться различные новые версии. Кого только не называли в качестве подозреваемых — вплоть до выдающегося шотландского анатома сэра Артура Кейта и сэра Артура Конан Дойла, автора знаменитых рассказов о Шерлоке Холмсе. Время от времени высказывалась идея, что этот обман — вовсе даже и не обман, а просто розыгрыш, помимо воли самого шутника зашедший слишком далеко. Это несколько притупляло ощущение позора, но не меняло сути дела. Однако чем больше фактов о мистификаторе выяснялось, тем труднее было предположить, что всеми этими качествами и способностями обладает один человек. Дело папахивало сговором, причем на самом высоком уровне. Так, например, из всех участников раскопок привезти окаменелости из Туниса мог лишь де Шарден, преподававший в это время в Каирском университете и посещавший различные раскопки Северной Африки. Та поспешность, с которой сэр Графтон Эллиот Смит и руководимые им оксфордские эксперты приняли находку, и та тщательность, с которой сотрудники Британского музея хранили ее от посторонних глаз, тоже наводят на размышления. Высказывались подозрения, что челюсть взята из экспонатов Отдела зоологии, который в таком случае также был вовлечен в подлог. Последнее заявление подтверждается недавними сообщениями (*Times* и *Independent*, 23.05.1996) о том, что в подвале музея найдена полевая сумка с инициалами Мартина Э. К. Хинтона (умершего в 1961 году бывшего смотрителя — т.е. заведующего — Отдела зоологии), содержащая ряд окаменелостей, на которых отрабатывалась технология окрашивания пилтдаунских находок. Однако возможно, что сумка была подброшена, дабы снова “списать все на покойника” и увести следствие от еще здравствующих создателей зоантропа. В Пилтдаунском деле остается множество так и не выясненных вопросов.

Похоже, что изначально обвиненный в подлоге Доусон был единственным во всей шайке, не подозревавшим, что же происходит на самом деле. Он явился первой жертвой обмана своими учеными приятелями, которые настолько свято верили в обезьяноподобного предка, что не сочли недостойным “помочь” старику появиться на свет. Не многие могут похвастаться тем, что собственноручно создали предка, от которого сами же впоследствии и произошли.

THE EARLIEST MAN TRACKED BY A TOOTH: AN "ASTOUNDING DISCOVERY" OF HUMAN REMAINS IN PLIOCENE STRATA.

A RECONSTRUCTION DRAWING BY A. BARNES.

Небрасский человек (Гесперопитек). *Illustrated London News*, June 24, 1922.

И его американский дядюшка

— Нельзя верить в невозможное!

— Просто у тебя мало опыта. В моем возрасте я уделяла этому полчаса каждый день. В иные дни я успевала верить в десяток невозможностей еще до завтрака.

Пока просвещенная Европа, шалея от восторга, с надеждой хваталась за каждое новое сообщение об обезьяночеловеке, у заокеанских поклонников животного предка дела шли куда труднее. Большинство американцев не желало полагаться в своей жизни (как в этой, так и в вечной) на столь экстравагантную гипотезу, причем чисто умозрительную и не подкрепленную какими бы то ни было серьезными доказательствами. В ряде штатов даже было законодательно запрещено преподавать в государственных школах теорию эволюции, как *единственное* учение о происхождении, и уж тем более — как доказанный научный факт. Как и любую другую религиозную доктрину, ее можно было преподавать лишь в частных школах, не финансируемых за счет налогоплательщиков: хочешь происходить от обезьяны — плати за это сам. Немаловажную роль в этом запрете играло сильное влияние в обществе тех, чьи предки пересекли океан именно затем, чтобы быть подальше от соблазнительных новомодных течений — всяческих там ренессансов, декадансов, просвещений и затемнений. А может быть, американцы просто не хотели происходить от обезьян Старого Света? Все силы были брошены на поиски своего, отечественного обезьяночеловека.

Немудрено, что когда в 1922 году профессор Гарольд Кук, консультант-геолог Американского музея естественной истории, нашел в плиоценовых отложениях русла Змеиного ручья на западе штата Небраска окаменевший зуб, он незамедлительно принес находку профессору Генри Ф. Осборну, директору музея. Осборн был не только большим поклонником идеи эволюции, но и боролся за официальное разрешение ее применения на практике в виде *евгеники*, т.е. искусственной селекции породы сверхчеловека путем скрещивания подходящих *особей* и последующего *выбраковывания* потомства, не обладающего желаемыми качествами.

Осборн пристально всматривался в находку. Не было сомнения, что этот зуб не мог принадлежать ни человеку, ни обезьяне. А значит... Эврика! Это — зуб обезьяночеловека, которого зовут, скажем, *Hesperopithecus Garoldcooki* (Гесперопитек Гарольдкуко-

вий). Статья Осборна **Гесперопитек, первый антропоидный примат, обнаруженный в Америке** была опубликована одновременно в трех ведущих научных журналах — *Сайенс* (Т. 60, №1427, май 1922 г. С. 281), *Америкэн мьюзиум новизйтис* (№ 37, 1922 г. С. 2) и *Нэйчур* (Т. 110, 1922 г. С. 281). Но самый большой сюрприз ожидал подписчиков популярного журнала *Иллюстрэйтед Ландан Ньюс*. Раскрыв свежий номер за 24 июня, они обнаружили напечатанное на целый разворот живописное изображение своего предка.

В сравнении с питекантропом Геккеля был виден явный прогресс. Во-первых, предок был достаточно трезв, чтобы довольно свободно перемещаться, не опираясь на деревья. Во-вторых, его супруга уже, по-видимому, научилась заявлять о своих гражданских правах, в связи с чем глава семейства не расставался с дубиной. В-третьих (возможно, как результат этого), сама спутница жизни, хотя все так же не проявляла особого восторга по отношению к своему благоверному, без дела тоже не сидела, а выполняла какую-то полезную работу по хозяйству. И наконец, в полном соответствии с традициями пасторального жанра, вся идиллия была изображена на фоне мирно прогуливающихся представителей плиоценовой фауны — древних лошадей *Pliohippus*, антилоп *Illingoceras*, безрогого носорога *Rhinoceros* — совершенно не опасаящихся нашего сородича и, по-видимому, принимающих его за своего. Такое изобилие деталей было вполне объяснимо, ведь, в отличие от произведения Геккеля, эта картина была построена не на голом воображении, а на подлинном факте — это был портрет настоящего зуба! Тут же была помещена статья профессора анатомии Лондонского университета, члена Королевского научного общества, ведущего эксперта по Пилтдаунскому человеку сэра Графтона Эллиота Смита **Гесперопитек, обезьяночеловек Нового Света — доисторический Колумб, достигший Америки посуху**. Каким именно образом удалось проследить маршрут и способ передвижения, автор скромно умалчивал.

Тем не менее, настороженно относящиеся к безвизовой иммиграции американцы продолжали игнорировать своего мохнатого родственника. Нужно было как-то легализовать его существование, одновременно сделав ему как можно более громкую рекламу. И вот в июле 1925 г., представители крайне антихристианской организации ACLU (Американский союз гражданских свобод), беззаветно исповадовавшей эволюционные идеи, подали в суд на молодого учителя физкультуры из Дайтона (Теннесси) Джона Скоупса за то что он,

подменяя болевшего две недели преподавателя биологии, учил детей... теории эволюции. Еще раньше, когда “антиэволюционный закон” был только принят в Теннесси, ACLU известил все газеты штата, что если кто-либо из учителей решится нарушить этот закон, Союз возьмет на себя финансирование всех судебных издержек. И вот подопытный кролик был найден. Слушание этого дела стало всемирно известно как **Обезьяний процесс**. Лидеров ACLU действительно трудно было бы упрекнуть в скупости. Впервые в истории судебный процесс транслировался по радио; а по общему количеству слов, переданных в зарубежные информационные агентства по телеграфу, суд побил рекорды любых событий, происходивших в Америке когда-либо до этого.

Сам Скоупс весьма сомневался, рассказывал ли он школьникам об эволюции, ввиду слишком слабых собственных познаний в этой области. Однако некто Джордж Раплейя, член ACLU, убедил его сознаться в провинности, добавив: “Не волнуйся, мы тебя в обиду не дадим”. На помощь совсем растерявшемуся учителю была выделена целая бригада адвокатов-добровольцев во главе с *Кларенсом Дэрроу*. Не один час был потрачен Дэрроу на то, чтобы свидетельские показания учеников Скоупса совпадали слово в слово — под благовидным предлогом не дать в обиду любимого учителя юрист обучал целый класс как лгать под присягой. Самое удивительное выяснилось позже: в тот злополучный день, 24 апреля, Скоупса *вообще не было в школе* — достаточно было лишь заглянуть в журнал, чтобы убедиться в этом, — и защите это наверняка было известно. Но ни один из адвокатов не упомянул этот простейший факт, вполне достаточный для того, чтобы оправдать обвиняемого. Защита не ставила перед собой цель доказать невиновность учителя. Ее задачей было добиться публичного признания несостоятельности антиэволюционного закона, и его отмены. Все шло как нельзя более удачно, пока не выяснилась одна деталь — выполнять роль обвинителя вызвался выдающийся юрист и оратор, трижды выдвигавшийся в кандидаты на пост президента США, а в период правления Вудро Вильсона занимавший пост Государственного секретаря, автор аналогичного закона в штате Флорида *Уильям Дженнингс Брайан*.

Первым, что в ходе процесса попыталась сделать защита, было нападение. Государственному обвинителю был устроен перекрестный допрос, неоднократно переключавшийся на личность самого Брайана и откровенно ставивший целью продемонстрировать его безграмотность как в биологии, так и в Священном Писании. Тем не менее, Брайан выдержал этот натиск и присяжные признали его

Главные действующие лица “Обезьяньего процесса” (слева направо):
Кларенс Дэрроу, Джон Скоупс, Уильям Брайан.
Фотографии любезно предоставлены Брайан Колледжем (Теннесси, США).

достаточно осведомленным, чтобы продолжать вести дело. Следующим номером программы последовал парад-алле свидетелей защиты — прогрессивных ученых, рассказывавших суду о Пилтдаунском человеке; о жаберных щелях у человеческого эмбриона; о наличии в человеческом организме 180-и (!) бесполезных органов, унаследованных от эволюционных предков¹, об эволюции лошади² и т.п. При этом ни адвокаты, ни сами свидетели не стеснялись в выражениях, вовсе не опасаясь быть оштрафованными за оскорбление оппонентов или неуважение к суду — “фирма” все оплачивала. Но главным козырем защиты был именно вышеупомянутый портрет четы мистера и миссис Гесперопитек: “*Смотри, Брайан, —* взывал Дэрроу, — *даже в твоём родном штате Небраска находят ископаемые промежуточные звенья, свидетельствующие об истинности эво-*

---

¹Все органы, назначение которых во времена Дарвина было неизвестно, были объявлены рудиментарными. В поддержку этого утверждения указывалось, что если удалить какой-либо из этих органов, человек может продолжать жить. Однако последующие исследования выяснили, что, с одной стороны, в человеческом организме нет ни одного органа, не выполняющего какой-либо специфической функции, с другой стороны, как раз у обезьян, считающихся родственниками человека, многие из этих органов (например, аппендикс) отсутствуют. Что же касается вопроса об ампутации органов, на основании этого аргумента бесполезными органами можно было бы также объявить руки, ноги, уши, нос и многое другое.

²Предполагавшийся пра-предок лошади эогипус на самом деле оказался ископаемой разновидностью барсука.

люции!”

Видя, что дело идет далеко не о нарушившем закон учителе, Брайан, обложившись справочниками и научными статьями, стал готовить свою заключительную речь о теории эволюции. Выведав об этом через подставных лиц, защита не на шутку перепугалась: Брайан никогда не писал пустых речей. Ни в коем случае нельзя было допустить, чтобы речь прозвучала и попала в печать. В самый кульминационный момент процесса Дэрроу вдруг неожиданно принес от имени защиты извинения за проявленное неуважение к суду и признал обвинения в адрес своего подзащитного обоснованными. Не посвященные в суть дела присяжные и зрители ничего не могли понять. Цель же была достигнута — речь Брайана так и не прозвучала, и опубликованные по всему миру материалы суда включали лишь показания свидетелей защиты в пользу эволюции человека, что создавало впечатление полного отсутствия контраргументов.

Скоупс был признан виновным в нарушении Закона об образовании и приговорен к минимальному наказанию, допускаемому законодательством — штрафу в размере 100 долларов. Защитники Скоупса подали апелляцию на пересмотр дела. Верховный суд штата признал решение суда справедливым, однако счел возможным снизить размер штрафа до 50 долларов, оказав тем самым противникам закона медвежью услугу: формально это означало пересмотр приговора, что исключало возможность дальнейшей передачи дела на рассмотрение в вышестоящих инстанциях. ACLU оплатил штраф, а также предъявленный Скоупсу счет в \$327.77 на покрытие судебных издержек, включавших “неспортивное поведение” защиты. Общее

Адвокаты, участвующие в процессе Скоупса, слушают, как Кларенс Дэрроу приносит от имени защиты извинения за оскорбление суда. Фотография любезно предоставлена Брайан Колледжем (Теннесси, США).

же количество средств, вложенных Союзом в мероприятие, составил, по оценке *Science*, десять тысяч долларов.

Много позже Джон Скоупс, обратившийся к тому времени ко Христу (возможно, процесс тоже сыграл в этом свою роль) признался, что больше всего на суде он боялся, что его начнут опрашивать не как обвиняемого, а в качестве свидетеля, и, в соответствии с требованиями процедуры, приведут к присяге. В этом случае он был бы вынужден сознаться, что никогда никого не учил теории эволюции. Но тогда все сошло с рук. Брайану процесс обошелся дороже — формально выигравший дело, но подвергшийся во время процесса шквалу издевок и оскорблений, бывший Госсекретарь скончался, не покидая Дайтона, через несколько дней после завершения процесса.

Следующий демарш, предпринятый потомками гесперопитека, носил уже чисто пропагандистский характер. В Голливуде был снят полнометражный художественный фильм о деле Скоупса **Ветер в наследство**, изображавший процесс как триумф победы свободомыслия над тупым бюрократическим консерватизмом фундаменталистов. Посмотрев фильм, трудно было даже усомниться в победе Скоупса и его команды. Тем не менее, антиэволюционные законы в южных штатах были отменены лишь в конце шестидесятых годов, да и то — надолго ли? В наше время подобные законы принимаются там вновь, но теперь преподаватель, убеждающий учеников, что эволюция — единственное удовлетворительное объяснение факту их нынешней встречи в классной комнате, запросто может лишиться занимаемой должности и даже лицензии в связи с профессиональной некомпетентностью.

А как же наш животный предок? Что-то о нем больше не слышать! Благодаря широкой рекламе, сделанной гесперопитеку, удалось достигнуть главной конечной цели любого научного исследования, а именно — получить деньги на продолжение исследований. В 1927 году исследования действительно были продолжены, и вскоре был найден полный скелет обладателя заветного зуба. К всеобщему изумлению, гесперопитек оказался... дикой свиньей. Поначалу этот вид за древностию лет посчитали вымершим, но более тщательное изучение выяснило, что чуть было не ставшая предком человека свинья *Catagonus ameghino* по сей день мирно проживает в Парагвае.

Восток — дело тонкое

— Это самое важное свидетельство из всех, рассмотренных ранее. Вот теперь пусть присяжные...

— Если кто-нибудь сможет это объяснить, я даю ему серебряную монету. В этом нет и крупицы смысла.

— В этом нет смысла? Тем лучше: таким образом мы избавлены от необходимости искать его здесь.

Говорят, что в Китае совсем еще недавно любимого предка можно было приобрести в аптеке. Причем по весьма сходной цене и самого отменного качества — не хуже какого-нибудь гесперопитека. И даже без рецепта. Так, профессор Шлоссер, исследуя в своей лаборатории в Германии привезенные из Китая окаменелые “кости дракона” (весьма популярный компонент восточных снадобий), купленные в одной из пекинских аптек, нашел среди них зуб, который, по его мнению, вполне мог в свое время украшать отеческую улыбку нашего дикого пращура. Шлоссер не скрывал своего мнения на этот счет, и слухи о том, что человек вполне мог произойти от обезьяны не где-нибудь, а именно в Китае, распространились довольно широко. Хотя зуб был явно человеческим, а выяснить, как и откуда он попал в аптеку, было невозможно. К тому же весьма скоро этот зуб исчез совершенно таинственным образом. Впрочем, это было лишь самое первое таинственное исчезновение, связанное с китайской историей обезьяночеловека.

Во время I Мировой войны в Китай снаряжается шведская палеонтологическая экспедиция, которая начала регулярные раскопки пещер Чжоукоутянь (что, собственно, и означает “кости дракона”) в 40 километрах к юго-западу от Пекина. Не найдя ничего сенсационного, в 1922 году экспедиция вернулась в Европу, где ученые занялись кабинетной обработкой находок — идентификацией, описанием, систематизацией. Среди окаменелостей обнаружили еще два человеческих зуба, которые были снабжены соответствующей биркой *Ното sp.*, и отправлены пылиться в хранилище. Однако четыре года спустя про эту находку напомнил в своем докладе на международной научной конференции в Пекине канадец Дэвидсон Блэк. В 1914 году он проводил вместе с сэром Графтоном Эллиотом Смитом экспертную оценку вышеупомянутого Пилтдаунского человека в Манчестере, а теперь перебрался на восток для чтения лекций по анатомии в Пекинском медицинском институте — в глубине души он лелеял надежду найти своего собственного обезьяночеловека.

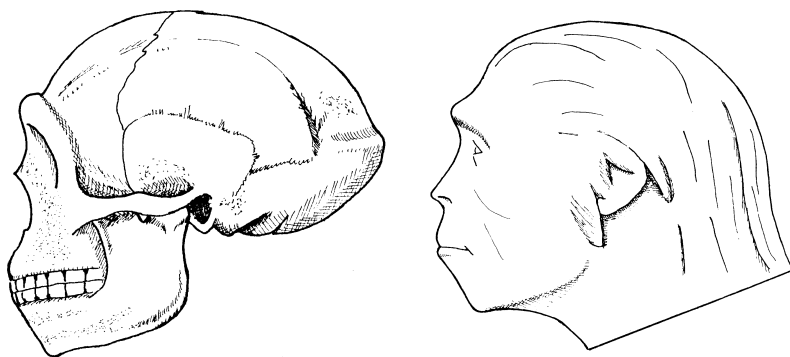
Блэк настаивал на продолжении раскопок Чжоукоутяня, и вскоре, в октябре 1927 года, был обнаружен еще один окаменевший человеческий зуб. Поднаторевший на Пилтдаунских находках, Блэк пристально осмотрел зуб и понял, что в нем есть что-то неизъяснимо обезьянье. Всему миру тут же было объявлено о новом открытии — *Sinanthropus pekinensis* (китайский человек — *синантроп* — пекинский). Похоже, не окажись гесперопитек такой свиньей, у него бы появился восточный брат. Теперь же даже люди отказывались признать родство на основании одного лишь зуба. Но Блэк не унывал. Взяв долгосрочный отпуск без содержания, он, как некогда Дюбуа, повез своего древнего родственника, точнее — то, что от него осталось, в кругосветное путешествие. Для удобства и надежности зубу был сделан медный заворачивающийся футляр, прикрепленный золотой цепочкой к часовому браслету.

Рекламное турне возымело на власть имущих большее воздействие, чем на ученых, и Фонд Рокфеллера выделил 20 тысяч долларов на продолжение исследований. Средства по тем временам немалые даже для Америки, не говоря уже о Китае, где рабочие были рады и пяти долларам в месяц. В 1929 году в Пекине под руководством Блэка создается специальная *Лаборатория исследования кайнозоя*. Должность штатного эксперта по геологии получает соратник Блэка по пилтдаунской кампании, опальный монах Тейяр де Шарден. Результаты не заставили себя долго ждать. В том же сезоне в раскопе была обнаружена крышка черепа — почти точно такая же, как у Яванского лже-питекантропа. Хотя череп был далеко не полным, Блэку даже удалось “определить” объем мозга этого существа — 964.40027 см^3 (точности измерения, составившей 0.00001%, могут позавидовать даже специалисты в области космической техники). Правда, по закону все находки принадлежали Китаю, — только что (1925-27 гг.) пережившему национальную революцию, сопротивляющемуся натиску красных партизан и в любой момент готовому вступить в войну с Японией — а потому не могли быть представлены на суд независимых зарубежных экспертов. Тем не менее синантроп, о существовании которого так долго говорил Блэк, официально был обнаружен.

К концу года из Китая поступили еще более ошеломляющие сведения — в Чжоукоутяне найдены десять окаменевших *полных человеческих скелетов*. *Дэйли телеграф* от 16 декабря 1929 г. сообщала подробности, указывая на высокую сохранность находки — даже кости лицевого отдела черепа не были разрушены. Хотя в газетах было много разноречивых сведений, в главном разногласий не было: официальный доклад Блэка научной общественности об

открытии состоится в Пекине 29 декабря. Однако никакого доклада в указанный день не последовало, равно как и не было опровержения на сообщения о находке. О человеческих скелетах просто больше не вспоминали — никто, нигде и никогда. Окаменевшие кости исчезли так же неожиданно, как и появились, а вместе с ними исчезла и память о них. Их как бы и не существовало вовсе. Похоже, что хотя по недосмотру исследователей нежелательная информация и просочилась в прессу, урок Дюбуа все же пошел им на пользу — предъявив они вместе с черепом синантропа обнаруженные в том же раскопе человеческие скелеты, никто не поверил бы, что это существо могло быть предком живших одновременно с ним людей.

Зато все внимание было переключено на синантропа. По имевшейся крышке черепа и найденным в стороне, неизвестно кому принадлежащим нескольким фрагментам лицевых костей, была выполнена “реконструкция” с почти человеческими чертами, получившая имя *Нелли*. Особенное впечатление производила солидная толщина короткой шеи — никто даже не задавал вопроса, как эта деталь определена на основании имевшегося исходного материала. В ходе раскопок в том же самом слое среди множества костей всевозможных животных удалось найти еще несколько (до четырнадцати) черепов синантропа, сильно поврежденных. Отмечался небольшой размер мозга этого существа, и мнения ученых сходились в том, что это — довольно примитивный гоминид, вряд ли знавший огонь и умевший изготавливать орудия. Оставался нерешенным лишь один вопрос: почему хотя в исследуемом слое находят кости (десятки тысяч!) всех частей тела различных животных, от синантропа там остались лишь черепа, да и то — разбитые. Загадочность и неясность

Реконструкция черепа и головы синантропа, получившая имя “Нелли” (Бауден, 1996).

доходивших из Китая сведений вынудила ведущего специалиста по культурам Каменного века из Французского университета и Института палеоантропологии профессора Брейля предпринять рискованное путешествие в Пекин.

С появлением Брейля вдруг обнаружились две очень интересные детали, ранее не фигурировавшие ни в одной из публикаций, но получившие отражение в докладе Брейля геологическому обществу Китая 3 ноября 1931 года и в отчете о поездке, опубликованном в следующем году в Европе.

Во-первых, оказалось, что на территории раскопок найдено не менее 100 тысяч кремневых и костяных орудий и их осколков. Особенно богата ими была соседняя пещера Коцетанг — Брейль собственными глазами видел там полуметровый слой кварцевых отщепов. В самом массиве Чжоукоутянь месторождений кварца не было, так что весь материал был принесен из долины. Там были и большие валуны, выполнявшие роль наковален, и отщепы со следами обработки, совершенно аналогичной мустьерскому (т.е. довольно позднему и развитому) типу европейской человеческой культуры палеолита — материала было достаточно, чтобы быть уверенным в выводах. Было очевидно, что комплекс пещер являлся древней фабрикой по производству каменных орудий. Причем столь примитивное существо, как синантроп, отнюдь не могло хозяйничать на этой фабрике. Самой удивительной продукцией этой фабрики были искусно изготовленные боло — каменные шары идеально сферической формы. 2-3 таких боло прикрепляются к концу веревки, и при удачном броске эта конструкция полностью спутывает ноги бегущего животного — индейцы Мексики по сей день пользуются таким приспособлением.

Вторым сюрпризом для прибывшего из Европы и знавшего о находках лишь по официальным публикациям профессора оказалось то, что существенную часть отложений в пещере, в которой были найдены черепа синантропа, составляет... семиметровый слой золы! Это был гигантский очаг, горевший не один десяток лет. Здесь обжигали камень, здесь же и готовили пищу. И все обнаруженные там кости животных — результат “обеденных перерывов”. И тогда вполне понятно, почему скелеты антропоидов представлены лишь размозженными черепами. Мясо обезьяны слишком жестко для употребления в пищу, в то время как мозг ее во многих культурах считается признанным деликатесом. Поэтому если работники каменоломни (не те ли, чьи скелеты таинственно исчезли в 1929 году?) убивали на охоте обезьяну, им не было нужды тащить домой тушу. Добыче отрубали голову, приносили в пещеру, разбивали череп, мозг

извлекали и съедали, остальное же — выбрасывали. Таким образом, синантроп был не предком, а частью рациона современного ему человека. С этим мнением были согласны и другие независимые специалисты, которым удалось посетить место раскопок.

Однако сотрудники Лаборатории исследования кайнозоя не стали ни подтверждать, ни опровергать утверждений Брейля, хотя в их публикациях стали появляться туманные замечания о *следах* огня (это — о семиметровом слое золы) и *некоторых* орудиях, “из которых только 150 могут считаться искусственно созданными инструментами”. Версия о том, что синантроп — не обитатель Чжоукоутяня, а его добыча, была объявлена не заслуживающей внимания, “поскольку не обнаружено ни останков, ни следов деятельности какого-либо **второго** гоминида”. Ни о боло, ни о высокоразвитой технике обработки камня речи не велось — заказчики платили за поиски синантропа, а не того, кто его ел. Столь откровенное пренебрежение мнением ведущего эксперта по палеолиту вызывало подозрения, тем более что с 1933 года из Китая стали просачиваться слухи, что вскрыта еще одна пещера, в которой были найдены останки заваленных обвалившимся сводом истинных хозяев Чжоукоутяня — людей.

Сведения об этой находке стали робко появляться в публикациях исследователей лишь через пять месяцев (где тот энтузиазм, с которым трубили об обезьяночеловеке?), полный же отчет увидел свет лишь через пять лет. Вновь обнаруженная пещера (получившая название *Верхняя*) явно выполняла роль жилища работников Чжоукоутянской каменоломни. В верхнем ее слое были найдены останки примерно шести человек, погибших при обвале (в том числе три совершенно полных скелета), а во всех культурных слоях содержались признаки жилья человека, в том числе — украшения из просверленных зубов животных, костяная игла, а также кремневые и костяные орудия того же типа, что изобиловали среди находок, приписываемых синантропу. У сторонних обозревателей не оставалось сомнений — Чжоукоутянь был человеческим поселением мустьерского типа, и употреблявшийся людьми в пищу тип обезьян, скоропалительно названный синантропом, никак не может быть предком человека.

Тем не менее, исходящие из Китая публикации де Шардена и Пея (руководителя исследований с китайской стороны) продолжали настаивать, что синантроп — предок человека, утверждая, что человеческие останки относятся к более позднему периоду времени, а орудия труда синантропа либо были найдены людьми и принесены в Верхнюю пещеру, либо “попали туда в результате естествен-

ных процессов”. Хотелось бы только знать, где же тогда орудия самих людей, и что это за *естественные процессы*, движущие камни снизу вверх?

Возмущенный Брейль предпринимает повторную поездку в Пекин в 1934 году. Он окончательно убеждается в достоверности своей гипотезы, а также пишет статью **Обработка кости и рога в Чжоукоутяне**, обильно иллюстрированную фотографиями. Все описываемые в статье образцы носили следы искусной ручной обработки, посильной лишь человеку. Но Лаборатория исследования кайнозоя публикует эту статью лишь пять лет спустя, указав в предисловии, что все (!) описанные в статье артефакты были переданы в музей Нанкина, откуда исчезли в ходе военных действий 1937 года, и “более недоступны для науки”. Кроме того сообщалось, что не имеется возможности “предоставить информацию... о точном месте обнаружения каждой находки в уровнях стоянки синантропа”. Последнее было особенно поразительно при той скрупулезности, с которой описывался каждый найденный образец.

Общее количество загадок, несоответствий, внезапных появлений и исчезновений находок, путаницы в фактах и таинственности в комментариях, сопровождавших сообщения из Китая, превысило критическую массу. Взрыв был неизбежен. У западных исследователей уже давно чесались руки потрогать пекинские окаменелости и раз и на всегда разобраться — кем был синантроп и в каких отношениях он состоял с найденным там же человеком? С восторгом предвкушения скандала было воспринято поступившее в самом начале декабря 1941 года сообщение, что принято решение об эвакуации всех чжоукоутяньских находок в Америку. Все было тщательнейшим образом уложено в матросские рундуки, погружено на поезд, идущий из Пекина на Чинвангтао, и...

Больше их никто не видел. За завесой неразберихи, последовавшей за событиями 7 декабря в Перл Харборе, вряд ли можно с уверенностью воспринимать ту или иную версию о судьбе пекинских окаменелостей. Легенд, связанных с ними — множество, но они имеют еще меньшее отношение к происхождению человека, чем вся эта история.

Ископаемые обезьяны

— Я вообще боюсь их, особенно — больших.
Но по крайней мере я знаю, как их зовут.

— И они, можно подумать, откликаются,
когда их зовут?

— Сомневаюсь.

— Что толку тогда звать их, если они не
откликаются?

— Нет толку для **них**, но полезно, я
думаю, тем, кто их зовет.

Одновременно с вышеописанными изысканиями в Европе, Азии и Америке, поиски животного предка велись и на территории черного континента. Наиболее преуспела в них супружеская пара Мери и Луис Лики, посвятившая прашуру не один десяток лет совместной жизни. Мало кто мог бы состязаться с ними в производительности при воспроизводстве обезьянолюдей.

Как четой Лики, так и другими исследователями были выданы на-гора сотни обезьяньих и человеческих окаменелостей. Причем каждая человеческая окаменелость — будь то кость, череп или скелет моментально отбрасывалась, подвергнутая критике как интрузивное захоронение, как результат смещения пластов или как проделка шутника. Это весьма напоминало детскую игру “верю - не верю”. Любой же фрагмент — даже самый маленький — обезьяньего скелета записывался в предки человека и получал собственное название.

Мери и Луис Лики

В этом созвездии “предков” с трудом могли разобраться сами палеоантропологи: *Plesianthropus transvaalensis*, *Paranthropus robustus*, *Paranthropus crassidens*, *Telanthropus capensis*, *Australopithecus africanus*, *Australopithecus transvaalensis*,

Australopithecus robustus, *Australopithecus prometheus* и прочие недо-человеки, почти-человеки и уже-почти-совсем-человеки. Однако со временем все они были признаны представителями одного вымершего вида обезьян *австралопитек* (“южная обезьяна”). Отличия же в скелетах не выходили за рамки внутривидовых и межполовых вариаций. Точно так же среди своих знакомых вы можете вспомнить людей с массивным (*robustus*), изящным (*africanus*) и промежуточными типами скелета, но если отбросить ваше личное к ним отношение, придется признать, что все они в равной степени принадлежат одному и тому же виду *Homo sapiens* — человек разумный.

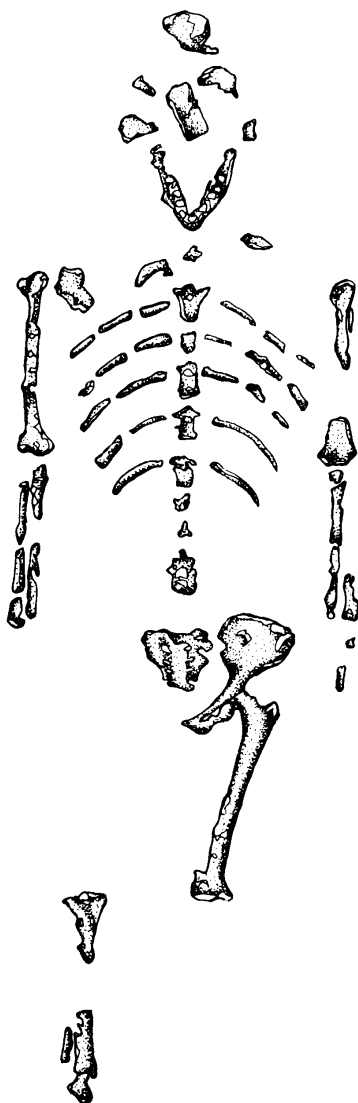
И все-таки, при всей спорности африканских находок, и даже принимая во внимание их соседство с человеческими костями, это было что-то настоящее, за что можно было реально подержаться. Именно поэтому интерес к ним резко возрос в середине 50-х годов, когда о “предках”, найденных на других континентах, стало стыдно вспоминать.

Именно в разгар этого повышенного интереса и была сделана необычная находка в ущелье Олдувай близ оз. Виктория, в более чем ста километров к западу от г. Килиманджаро. Это был череп, обнаруженный миссис Лики. Он состоял из лицевого отдела и затылочной части, промежуточные же кости отсутствовали. Это позволяло, сдвигая или раздвигая имеющиеся фрагменты, добиваться получения реконструкции с любым необходимым объемом мозга, что существенно выделяло находку из ряда австралопитеков, имевших явно обезьяньи мозги. Найдено получило официальное название *Zinjanthropus boisei* (Зинджантроп Бойса — в честь Чарльза Бойса, спонсировавшего экспедицию) и неофициальное — *Щелкунчик* (музыка навеяла). Впоследствии в окрестностях были найдены фрагменты еще нескольких, более мелких, особей, а также множества костяных и каменных орудий. Последние включали боло — до двенадцати полных комплектов (по три шара) и несколько отдельных шаров. За эти изделия более мелкие особи получили название *Homo habilis* (Человек умелый), хотя орудия явно принадлежали не им, а их современнику — человеку неандертальского типа, череп которого был найден там же. В итоге все найденные кандидаты в гоминиды тоже были идентифицированы как обезьяны — австралопитеки. Не исключено, что Щелкунчик был крупным самцом, окруженным гаремом из более мелких самок, которым поневоле приходилось быть *habilis*.

Об австралопитеке, как о возможном предке человека, вновь заговорили в 1974 году в связи с находкой, сделанной экспедицией Д.С.Иохансена в Хадаре (Эфиопия) и получившей имя *Люси* в дань

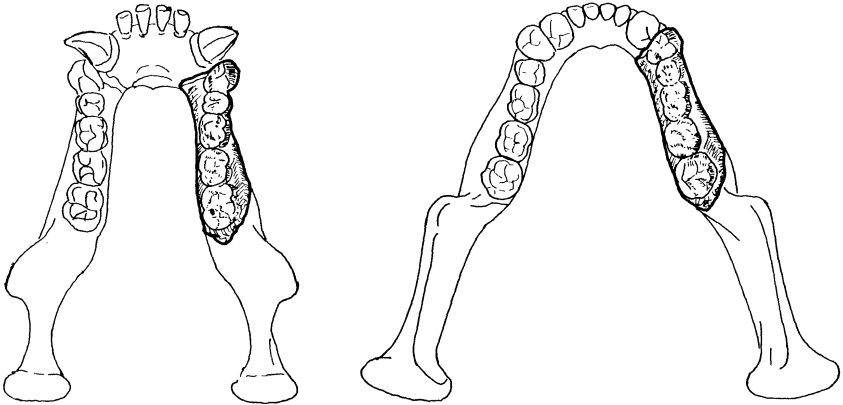
уважения “Битлз”. То, что обнаружил Иохансен, было представлено миру как *на удивление полный* [на самом деле — не более 40%] *скелет Australopithecus afarensis*, свидетельствующий, что австралопитек был *прямоходящим*. Основанием для подобного заключения стал коленный сустав, который был сильно раздроблен, а потому его можно было “собрать” как на обезьяний, так и на человеческий манер. Правда, форма тазобедренного сустава Люси не вписывалась в идею прямохождения, но эта трудность легко была преодолена заявлением, что *кости таза несколько деформированы*.

Лишь много позже выяснилось, что пресловутый коленный сустав был найден на расстоянии 2400 метров от скелета. К тому же залегал он на 80 метров глубже, что, в соответствии с предложенной самими же исследователями хронологией пластов, делает его на 0.5 млн. лет старше его обладательницы. Исследователи Люси по сей день не могут завершить спор, что у этого *на удивление полного скелета* было длинее — руки или ноги. Совсем недавняя публикация¹ оповестила публику, что вполне вероятно, что Люси была ... мальчиком! А тщательное изучение морфологических параметров всех типов австралопитеков привело к заключению, что они отличаются и от людей, и от человекообразных обезьян более, чем те и другие — друг от друга.

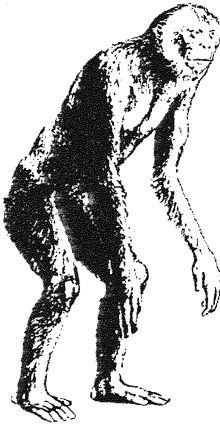

Знаменитая Люси — “удивительно полный” скелет австралопитека, мало чем отличающийся от карликового шимпанзе (Бауден, 1996).

¹*Science*, Vol. 270, 24 November 1995, p.1297.

Вот таким образом один и тот же фрагмент челюсти (выделен штриховкой) может служить основанием для реконструкции обезьяньей (слева) и человеческой (справа) челюсти (Бауден, 1996).

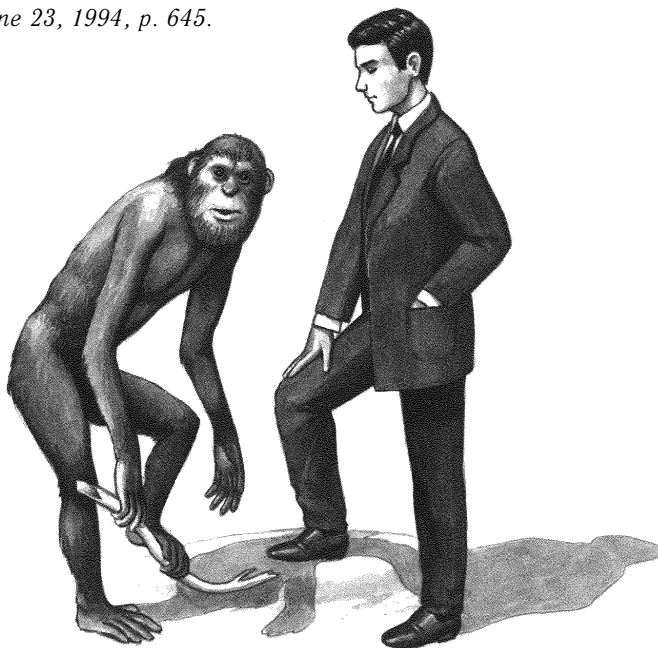
Так представляли
рамапитека
(Бауден, 1996).

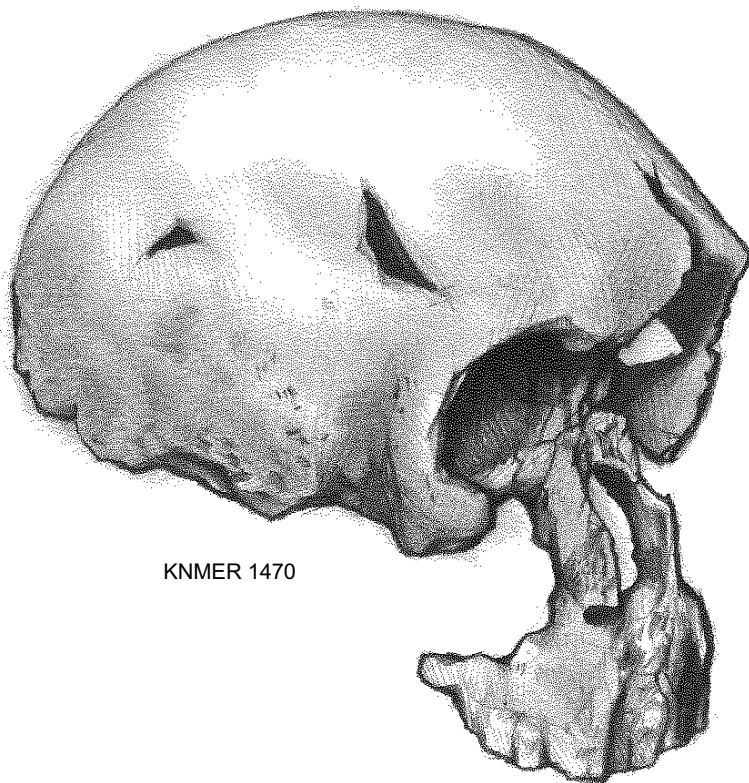
Последним диким предком, “утратившим” родство с нами, стал *рамапитек*: скрюченное человекоподобное существо на двух ногах, получившее название по имени героя индийского эпоса Рамы. Все, что нам изначально досталось в наследство от рамапитека — это пара десятков зубов и несколько фрагментов челюсти (самый большой из которых не превышал пяти сантиметров), найденные в 1932 году близ Дели. Именно на этом материале и сделана известная “реконструкция” всего существа с ног до головы. Сперва эти зубы определили, как три разных вида обезьян — рамапитек, *сивапитек* (в честь индийского божества Шивы) и *дриопитек*. Однако разница между зубами разных видов не выходила за пределы возрастных отличий. То, что материал был столь фрагментарным, позволяло по воле “художника” складывать из имеющихся зубов “мозаику” челюсти как человеческого, так и обезьяньего типа. На этом основании рамапитек и числился косолапым предком человека. Но, как говаривал бравый солдат Швейк, всему прекрасному приходит конец. В семидесятые годы были обнаружены более полные челюсти рамапитека, мало чем отличающиеся от челюсти современного орангутана.

Такие же параметры, как длиннорукость, косолапость, размер, осанка и проч. могут варьироваться как у обезьян, так и у людей. Но применение современных медицинских методов компьютерного сканирования черепа позволило установить принципиальную разницу между обезьяньими и человеческими окаменелостями.² Внутреннее ухо человека содержит точнейший механизм в виде лабиринта, заполненного жидкостью. Стенки этого удивительного устройства покрыты тончайшими волосками, ощущающими колебание жидкости в канале даже при самых незначительных изменениях положения головы. Именно этот механизм позволяет человеку уверенно передвигаться на двух ногах, постоянно контролируя движения своего тела. У всех людей — как современных, так и самых древних ископаемых (о них речь пойдет ниже) — наблюдается поразительное сходство и совершенство конструкции ушных каналов. В то же время у австралопитеков форма каналов внутреннего уха такая же, как у современных гориллы или шимпанзе, преимущественно передвигающихся на четырех конечностях. И никакой промежуточной, переходной ископаемой формы этого органа не обнаружено. Люди — это люди, и всегда ими были, обезьяны же — всего лишь обезьяны.

---

² *Nature*, June 23, 1994, p. 645.

KNMER 1470

Искапаемые люди

Совершенно наоборот: если это так, то это возможно, а если бы было так, то так и должно быть, поскольку же нет, то иначе. Вполне логично.

Или, хочешь, я сформулирую это попроще: никогда не думай, что ты иная, чем могла бы быть иначе, чем будучи иной, в тех случаях, когда иначе нельзя не быть.

В 1968 году двадцатитрехлетний Ричард Лики — сын Мери и Луиса Лики — заявил членам Совета директоров Национального географического общества США, что хочет получить деньги на

Директор национального музея
Кении Ричард Лики

создание собственной палеонтологической экспедиции. Ричард не имел высшего образования. Родившись в Найроби (Кения), он закончил там колониальную школу, в 16 лет прошел языческий обряд инициации в племени кикуйу, посвятил последующие годы сафари-бизнесу, время от времени навещая экспедицию своих родителей. Нетрудно представить, какова бы была реакция ученых мужей на это дерзкое требование, если бы ни одна деталь — на заседание Совета Ричард пришел вместе со своим предком. Причем не с предполагаемым эволюционным, а самым что ни есть непосредственным. Молчаливое присутствие маститого папочки нервировало членов Совета, и они решили удалиться на совещание.

Решение было суровым: *“Вы получите деньги, но не вздумайте снова показываться здесь, если ничего не найдете!”*. Знал бы Совет, что давая волю дилетанту, он подписывает приговор обезьяно-человеку.

Сказано — сделано. Условия “контракта” были ясны, и Ричард, в том же году перенявший от отца руководство Национальным музеем Кении, приступил к раскопкам на Восточном побережье озера

Рудольф (ныне — Туркана). Поначалу все шло гладко. За несколько лет сотрудники экспедиции нашли и описали несколько десятков австралопитеков, а также множество каменных орудий. Сенсационная находка была сделана в августе 1972 года. Это был довольно хорошо сохранившийся обыкновенный человеческий череп, получивший название KNMER 1470 (Кенийский Национальный музей, Восточный Рудольф, 1470 — номер по каталогу). Там же были найдены и человеческие бедренные кости. Вся беда заключалась в том, находки были сделаны в *слишком* древней страте. При использовании тех же принципов датирования, что применяются к обезьяночеловеку, возраст находки составлял 2.9 млн. лет, т.е. обладатель этого черепа был на целый миллион лет старше любых своих обезьяноподобных “предков”.

Опытный естествоиспытатель просто запрятал бы находку подальше, и уберег бы этим и себя, и своих коллег от лишней головной боли. Ведь если человек существовал раньше “переходных форм”, кем были эти формы? Но горячий и наивный Лики младший стал трубить о своей находке и ее значении во все рога. “*Или мы выбрасываем этот череп, или мы выбрасываем все наши теории, касающиеся раннего человека*”, — заявил он в ***National Geographic*** в июне 1973 г. Череп экспонировался в Лондоне, и все антропологи признали его вполне человеческим. Над иерихонскими стенами эволюционного антропогенеза нависла угроза разрушения. Директор Йоркского Центра по изучению приматов Джеффри БORN даже всерьез выдвинул альтернативную теорию, что не человек произошел от обезьяны, а наоборот, обезьяна является дегенеративной ветвью человечества. Хотя эта теория была более состоятельна, чем идеи животного происхождения человека, она не устраивала ни поклонявшихся обезьяноподобному предку, ни отвергавших его. Конфликт насилию замяли, пересмотрев представления о возрасте находки и присвоив ей наименование *Homo habilis*, т.е. превратив ее в собственного же предка.

Но было ли открытие Ричарда Лики чем-то новым? Неужели раньше следы человека никогда не обнаруживались в “неправильной” страте? Нет, это не так. Просто эту находку из-за энтузиазма и легкого доступа ее автора к академической прессе (как-никак сын самого Лики!) не удалось замолчать. На самом же деле “присутствие” человека можно найти практически в любой геологической страте. Это — окаменелости, отпечатки ног, инструменты, посуда, украшения, монеты и проч. И многие из этих находок не удастся списать ни на розыгрыш, ни на захоронение, ни на подвижку слоев.

Эволюция мифа

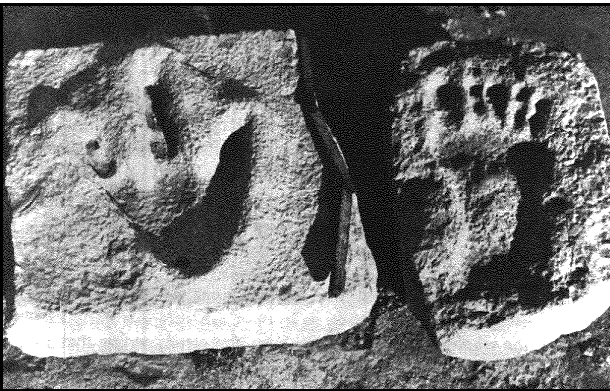
Остается последний аргумент — *загадка науки*. Факты, которые нас устраивают, сколь мало бы их не было, — наука, остальное же — ее загадка. На самом деле не противоречит фактам лишь одно объяснение — геологическая колонна никак не связана с миллионами лет, все ее слои отложились в бытность человека. Соответственно, все ископаемые формы животных — известные и неизвестные — были современны человеку, и ни одно из них не может считаться его предком.

Эволюционные представления о развитии жизни.

Эра	Эпоха, период	Начало млн лет назад	События
КАЙНОЗОЙ (четвертичный)	Голоцен	0.01	Современный человек
	В.Плейстоцен	0.1	Неандерталец
	С.Плейстоцен	0.5	Питекантроп, синантроп
	Н.Плейстоцен	1.8	Австралопитек
КАЙНОЗОЙ (третичный)	Плиоцен	10	Рамапитек
	Миоцен	25	Эволюция лошади
	Палеоген	66	Широкая эволюция млекопитающих
МЕЗОЗОЙ	Меловой	137	Вымирание последних динозавров и аммонитов.
	Юрский	195	Распространение морских рептилий, динозавров, птерозавров, крокодилов. Появление птиц.
	Триасовый	230	Появление черепах, ящериц, млекопитающих.
ПАЛЕОЗОЙ	Пермский	285	Вымирание многих морских беспозвоночных. Господство примитивных рептилий.
	Каменно-угольный	350	Появление рептилий. Широкое распространение примитивных амфибий.
	Девонский	405	Появление и распространение четвероногих.
	Силурийский	440	Выход членистоногих на сушу.
	Ордовикский	500	Эволюция рыб, распространение беспозвоночных.
	Кембрийский	570	Появление предков рыб, скелетных беспозвоночных, бурное развитие жизни в морях.
ПРОТЕРО-ЗОЙ	Вендский	680	Распространение бесскелетных форм. Предки червей, медуз, членистоногих и проч.
		2700	Первые многоклеточные, бактерии, водоросли.
АРХЕЙ		4500	Химическая эволюция, биогенез.

Отпечаток человеческой ноги (слева) и его слепок (справа), оставленный в кембрийской породе до ее полного затвердевания. По представлениям эволюционной геохронологии, возраст кембрийских пород составляет 500-570 млн. лет. Ископаемым индексом этих пород являются трилобиты, вымершие якобы за полмиллиарда лет до появления человека. Тем не менее, в этом отпечатке ясно виден трилобит, раздавленный заживо (окаменелость бы просто раскрошилась). Публикуется с любезного разрешения Creation Research Society по Brown, 1995.

Отпечатки следов
динозавра и человека
в меловых
отложениях реки
Пэлюкси
(Техас, США).
Фото К. Л. Бардика

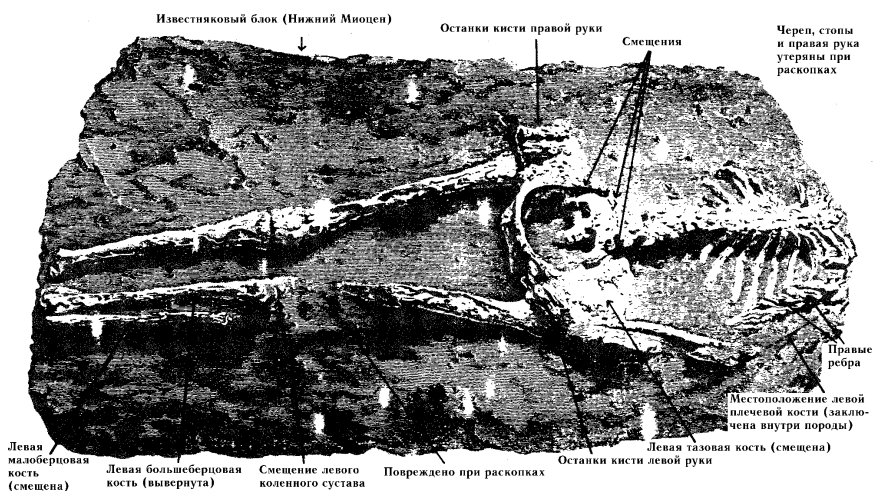
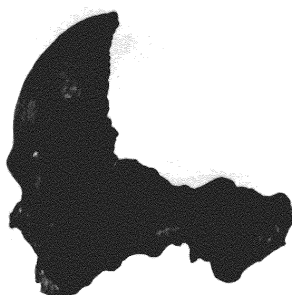

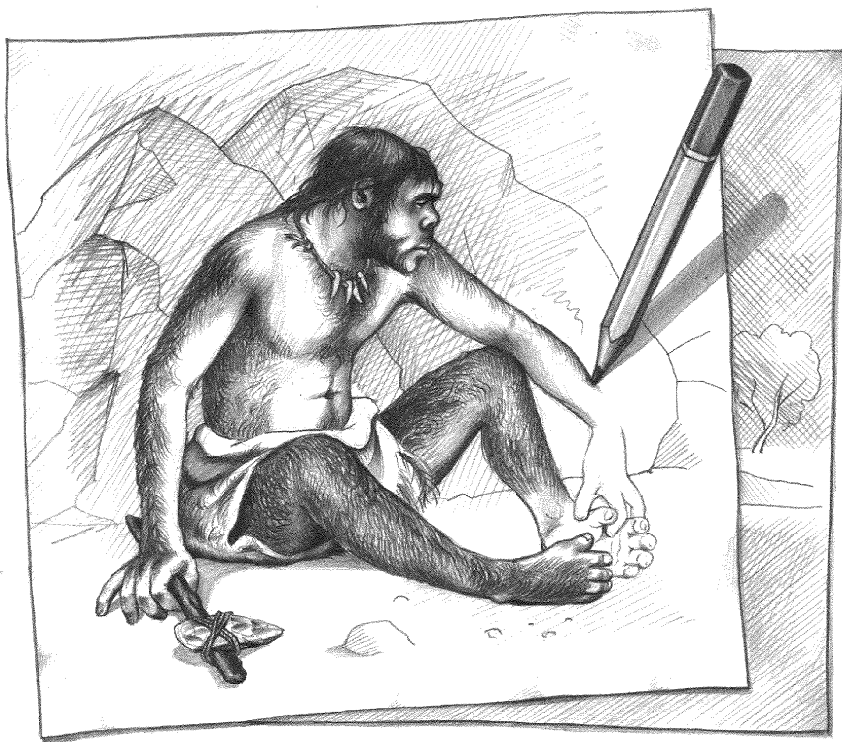
Вверху: железный молоток на деревянной ручке, найденный в монолите ордовикского песчаника (по Головин, 1994).

Справа: человеческий череп современного типа из плиоценовых отложений Калавераса, Калифорния, США (по Cousins, 1971).

Внизу: Человеческая окаменелость в монолите статуарного мрамора миоценового периода. Из собрания Британского музея. (по Купер, 1996).

Приведенные иллюстрации — лишь часть так называемых "загадок науки", т. е. реальных фактов, опровергающих идею эволюционного происхождения человека.

Первая жертва расизма

*Много месяцев плыли мы, много недель,
Нам бывало и мокро и жарко,
Но нигде не видали — ни разу досель! —
Ни малейшего проблеска Снарка.*

*Плыли много недель, много дней и ночей,
Нам встречались и рифы, и мели;
Но желанного Снарка, отрады очей,
Созерцать не пришлось нам доселе.*

Окаменевшие останки древних людей, обладавших некоторыми характерными особенностями черепа (удлиненная форма, низкий лоб, сильно развитые надбровные дуги, массивная, но почти лишенная подбородка нижняя челюсть), искривленными длинными костями скелета и увеличенными суставами, находили и раньше. Известны находки 1700 года в Каннштадте (Германия), 1829 года — в Бельгии, 1848 года — на северном склоне Гибралтарской скалы. Самая знаменитая такая находка была сделана в 1856 г. близ Дюссельдорфа, в узкой долине реки Неандер (приток Рейна), которая так и называется Неандерталь (“долина Неандера”). По ней и получил наименование этот тип древнего человека — *Неандерталец*.

Ввиду характерной кривизны ног обнаруженного в Неандере человека было сделано заключение, что большую часть жизни он проводил в седле. Предполагалось даже, что это — “казак-монгол”, дезертировавший в 1814 году из русской кавалерии, настигавшей уходившие за Рейн войска Наполеона.

Особого внимания на прочие физиологические особенности неандертальца тогда не обратили — люди бывают всякие. Может быть, об этой находке забыли бы так же, как и об остальных, если бы не обезьяномания, разразившаяся через три года вслед за выходом в свет Дарвиновского **Происхождения видов**. Неандертальца сразу же попытались втиснуть в генеалогическое древо человека. Но диагноз, который поставил неандертальцу светило патологической анатомии Рудольф Вирхов, быстро охладил пыл обезьянопоклонников. Вердикт гласил: это — *обыкновенный человек*, но страдавший рахитом в детстве и артритом в старости, имевший плохо сросшийся перелом локтевой кости а также стойко перенесший два-три сокрушительных удара тяжелым предметом по голове.

И все-таки множество новых находок неандертальца, сделанных на фоне непрерывного роста острой ностальгии по животному

предку, усиливало соблазн заполнить за счет неандертальца хотя бы одну вакансию в родословной человека. Именно такова, по-видимому, была мотивация профессора парижского Института палеонтологии человека Марселена Буля, когда в 1908 году он взялся воссоздать внешний облик неандертальца по полному скелету старика, найденному близ деревни Ла-Шапель-о-Сен.

Буль внес в свою модель ряд весьма интересных деталей. Большие пальцы ног он расположил так же, как на руках, превратив человеческие стопы в обезьяний хватательный орган. Таким образом, неандерталец должен был ходить как шимпанзе, опираясь на внешний край подошвы. Коленный сустав, “восстановленный” Булем, не разгибался полностью, что вынуждало неандертальца передвигаться на полусогнутых ногах. Позвоночник был выполнен совершенно прямым, а голова настолько выдвинута, что неандертальцу приходилось истошно задираť ее лишь для того, чтобы посмотреть вперед. В результате этой “реконструкции” на свет и появилось то несуразное существо, которое нам известно под именем неандертальца по картинкам в учебниках и научно-популярных публикациях.

Трудно поверить, что, будучи экспертом в палеоантропологии, Буль допустил все эти ошибки *случайно*. Тем не менее, мнение Вирхова больше не было препятствием — всякий мог взглянуть и убедиться, что неандерталец — человек с типично обезьяньими чертами. Правда, появилась еще одна проблема: старик из Ла-Шапель-о-Сен имел объем мозга 1600 см³. Эта величина значительно превышает среднее значение объема мозга современного человека, но характерна как для неандертальца, так и для *Кроманьонского* древнего человека, в “человечности” которого никто никогда не сомневался. Конечно, размер мозга — не показатель интеллектуальных способностей, но именно этот параметр применяют, создавая эволюционные последовательности промежуточных звеньев между обезьяной и человеком. Возникает вопрос: какой эволюционный процесс мог привести к последовательному увеличению объема мозга у предков человека вплоть до неандертальца и кроманьонца, а потом — к снижению этого параметра до нашего с вами уровня.

Для объяснения этой загадки был выдвинут целый ряд смелых гипотез — одна экзотичнее другой. Так, например, биолог Эрнст Майер из Гарвардского университета предположил, что на ранних этапах развития человеческого мышления наиболее сообразительные представители общества добивались значительно больших успехов в труде и личной жизни, а потому оставляли более многочисленное потомство. Но со временем товарищеские коллективы неандертальцев разрослись настолько, что мудрые вожди человечества стали не

в состоянии держать всех своих соплеменниц под постоянным наблюдением, и бесконтрольные связи “на стороне” свели действие “интеллектуального отбора” на нет. Антрополог Лоринг Брейс из Мичиганского университета, со своей стороны, предполагает, что всему виной — появление речи. Как только неандерталки научились разговаривать, изысканные методы, использовавшиеся представителями наиболее смышленной элиты, дабы добиться благосклонности спутниц жизни, стали достоянием общественности, и те лишились своей монополии в вопросах семьи и брака. Наверное, именно тогда будущий человек впервые задумался о необходимости законодательной защиты прав на интеллектуальную собственность.

Авторы подобных выдумок как бы не замечают двух моментов. Во-первых, вне развитого человеческого общества с устойчивым морально-этическим сознанием и твердыми представлениями о доброте, решающим в дележе пищи и соревновании за самку является не уровень интеллекта, а острые когти и крепкие зубы. Тяжелый кулак тут куда более весомый аргумент, чем гарвардский диплом.

Во-вторых, известно, что и современный-то человек не использует возможностей своего мозга даже на 10%. Как же столь большой орган появился в результате эволюции? Ни один из эволюционных механизмов, предложенных Дарвиным и его последователями, не ведет к появлению “сверхдолжных” характеристик, не дающих эволюционного преимущества. Как тонко подметил Курт Воннегут в своей блестящей литературной фантазмагии **Галапагосы**,

В те давние времена [имеется в виду 1986 год — С.Г.] почти у всякого индивидуума мозг весил порядка трех килограммов! Не было предела злым козням, которые столь непомерно разросшийся мыслительный аппарат мог задумать и осуществить... Можно ли сомневаться, что трехкилограммовый мозг некогда представлял собой почти роковой дефект с точки зрения эволюции человеческого рода...

И если бы мне довелось дать критический отзыв о человеческом организме, каким он был миллион лет назад [т. е. в 1986 году — С. Г.] — в том числе и у меня — словно речь идет о машинах, которые некто вознамерился выпустить на рынок, то у меня было бы два основных замечания. Одно из них я уже не раз делал на протяжении своего рассказа: “Мозг чересчур велик, чтобы быть практичным в использова-

нии". Второе же я бы сформулировал следующим образом: "Вечно что-то не ладится с нашими зубами. Обычно их не хватает на срок, сопоставимый с продолжительностью жизни. Каким событиям в ходе эволюции должны мы быть благодарны за то, что вынуждены ходить с полным ртом крошащихся черепков?"

Чем больше мы узнавали о неандертальце, тем труднее было считать его примитивным существом. Неандертальцы были распространены по всей Европе от Крыма до Испании. Жили они, как правило, в хижинах, зачастую строившихся у входа в пещеру. Готовили пищу на огне, порой используя раскаленные каменные плиты в качестве сковороды, а недостаток дров (во время оледенения растительность Европы была не очень буйной) восполняли высушенными костями. Неандертальцы изготавливали не только орудия труда, но и музыкальные инструменты. Флейта из кости голени медведя, найденная в одном из неандертальских поселений в окрестностях г. Нова Горица (Словения), не отличалась по строю от современной и имела основной тон си-бемоль. В глубине одной из пещер на юге Франции было обнаружено сложное квадратное сооружение, возведенное неандертальцами из обломков сталактитов и сталагмитов¹, свидетельствующее об умении наладить освещение и существовании сложного языка с абстрактными геометрическими понятиями, без которого создатели этой конструкции не смогли бы взаимодействовать.

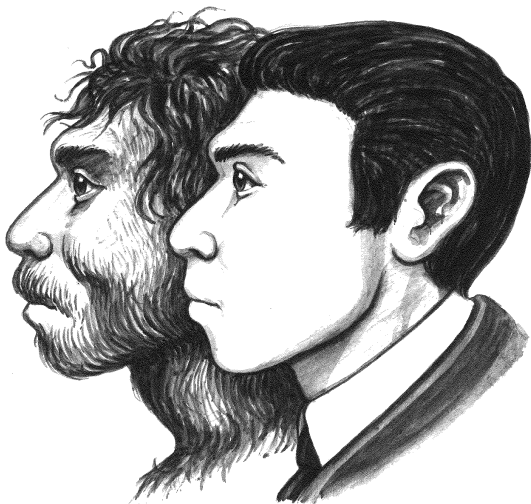
Неандертальцы имели представление о жизни после смерти, и хоронили своих умерших. Как показал пыльцовый анализ захоронения в пещере Шанидар в Ираке, погребальные обряды сопровождались обильным возложением цветов — васильков, чертополоха, гиацинтов, штокрозы, хвоща. Среди захоронений нередко обнаруживают калек, получивших не дающие надежды на улучшение увечья за много лет до смерти. Такие соплеменники при жизни требовали заботы и ухода, а значит в этом обществе существовали представления о милосердии и сострадании. Встречаются смешанные захоронения неандертальцев и людей современного типа, а в 1908 г. было обнаружено² захоронение неандертальца в железной кольчуге и с железными наконечниками стрел.

---

¹*Science*, January 26, 1996, p. 449.

²*Nature* №77, 1908, p. 587.

Сомнения в достоверности “реконструкции” Буля ширились с каждым новым открытием, и в 1957 году Вильям Штраус (Университет Джона Хопкинса) и Энтони Дж. Э. Кейв (Медицинский колледж Госпиталя св. Бартоломео) вынуждены были вновь заняться неандертальцем из Ла-Шапель-о-Сен. Вот тут-то и обнаружились все “ошибки” булевской реконструкции. Как выяснилось, пациент Буля страдал тяжелой формой артрита, что и привело к деформации позвоночника и челюсти. В остальном же (включая стопы, а также коленный и тазобедренный суставы) старик ничем не отличался от современных нам людей. Вывод был таков:

“Если бы мы могли оживить его и — предварительно помыв, побрив и одев в современный костюм — поместить в метро Нью-Йорка, никто из пассажиров не обратил бы на него особого внимания”.

Впрочем, после 1957 года наш мир весьма изменился, и, говорят, теперь для достижения того же эффекта мыть и брить неандертальца вовсе не обязательно.

Основной проблемой неандертальцев был хронический рахит, а он, как известно, вызывается недостатком в организме витамина **D**. О дефиците витамина **D** свидетельствует не только форма костей неандертальца, но также и их лабораторный анализ. Это может быть вызвано тремя причинами — как по отдельности, так и в совокупности.

Во-первых, количество витамина **D** в организме может регулироваться рационом питания. Так, хорошим источником этого витамина является жирная рыба. Однако, хотя в кроманьонских поселениях мы находим множество рыболовных снастей, данных о рыбной ловле среди неандертальцев не существуют — они предпочитали мясную

диету. Об этом же свидетельствуют и столь большие надбровные дуги, состоящие из мягкой костной ткани, наращиваемой под воздействием мускулатуры лица при пережевывании грубой пищи.

Вторым источником витамина *D* является ультрафиолетовое излучение. Обнаруживаемые нами неандертальцы жили в эпоху оледенения, и испытывали его недостаток. И если неандертальцы были темнокожими (а это, как известно, в основном определяется лишь количеством в коже вещества, называемого *меланин*), то такой признак должен был быть для них роковым, и в результате вырождения в северной Европе темнокожей расы, теперь эту территорию заселяют потомки успешно переживших оледенение кроманьонцев, отличавшихся патологическим отсутствием меланина в коже.

Третьей причиной рахита вполне мог быть наследственный сифилис, столь распространенный среди вырождающихся человеческих рас. Рахит и сифилис настолько взаимосвязаны в примитивных культурах, что ни один врач не берется различить их без специальной аппаратуры.

Если же мы отбросим признаки, вызванные заболеваниями, “неандертальские” черты по сей день распространены среди жителей северо-западной Европы — Англии, Дании, Норвегии, Финляндии. В ископаемых формах эти характеристики можно обнаружить не только в Европе. Ими, например, обладают человеческие останки, найденные в долине реки Соло на Яве, в пещере Тешик-Гаш в Узбекистане, а также в Китае, в Центральной и Северной Африке.

Эти же черты характерны и для представителей человеческой семьи (мужчина, женщина и ребенок), найденных в 1921 году в Северной Родезии горняками, добывавшими цветную руду. Когда эта находка поступила в Британский музей естественной истории, герой Пилтдауна сэр Артур Смит Вудворд, признал *совершенно человеческие* характеристики *Родезийского человека*, после чего передал его на реконструкцию... орнитологу (т.е. специалисту по пернатым) У.П.Пайкрафту. Пайкрафт в соавторстве с уже известным нам Графтоном Эллиотом Смитом и другими сотрудниками музея опубликовал результаты исследования, определив это существо, как *Su-pu-hanthropus rhodesiensis* — “недо-человек сутулый Родезийский”, т.е. находке было отказано даже в принадлежности к роду *Номо*, а гордое имя “Родезийский”, повидимому, должно было отличать ее от других — пока еще не открытых — сутулых недо-человеков.

Сутулость Родезийского человека была установлена по неправильно выполненной орнитологом реконструкции тазобедренного сустава, в результате чего колени были вывернуты наружу, а стопы — вовнутрь. Лишь своевременное вмешательство профессора

Ле Грос Кларка, обнаружившего ошибку, уберегло нас от появления в учебниках еще одного предка. Но в *Homo sapiens* Родезийский человек попал не сразу. Поначалу он был зачислен в клуб *Homo erectus*, который было предложено распустить лишь в 1993 г.³, поскольку все ископаемые в нем действительно принадлежали человеку, за исключением обезьяньего черепа Яванского питекантропа.

Как ни обидно, диагноз, поставленный Вирховым, опять оказался правильным, и неандерталец — лишь расовая разновидность человека, более близкая к европеоидной расе, чем какая-либо иная.

Вообще удивительно, насколько серьезно многие люди воспринимают расовые различия (цвет кожи, или например, разрез глаз) в то время, как под кожей мы все одинаковы. Как бы мы не отличались внешне, то, что объединяет нас, гораздо более фундаментально: мы все связаны реальными генетическими узами, и это не просто “библейские сказки”, а научно установленный факт. Так, выяснилось⁴, что код молекулы ДНК, содержащиеся в митохондриях клеток человеческого организма, совершенно одинаков у всех людей мира — австралийцев, азиатов, американцев, африканцев, европейцев. Поскольку случайное совпадение столь сложного кода исключено, эту молекулу все мы могли получить только по наследству. Митохондрии являются энергетическими станциями клетки и находятся вне ее ядра, а потому их ДНК всегда передается детям от матери. Таким образом *все человечество, населяющее планету, имеет единую праматерь*, которая была таким же человеком, как и мы с вами.

Изучение генетического кода человека в японском Университете передовых исследований показало⁵, что генофонд двух людей из разных концов света более схож, чем у двух горилл из одного леса в западной Африке. Заключительным аккордом этих исследований явилось сообщение⁶, что строение Y-хромосомы, контролирующей мужские половые признаки, также совпадает на уровне общего предка у представителей всех типов человека, населяющих землю. Так что праотец у нас тоже общий. И вне зависимости от того, нравимся мы друг другу или нет — мы с вами одной крови, вы и я!

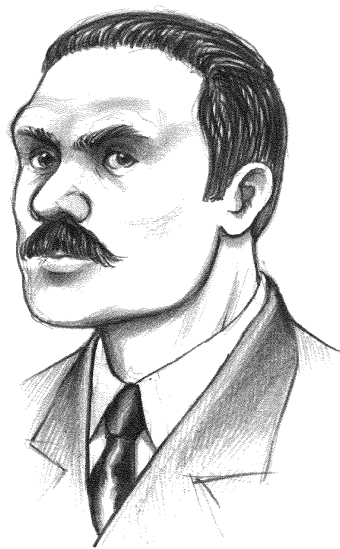
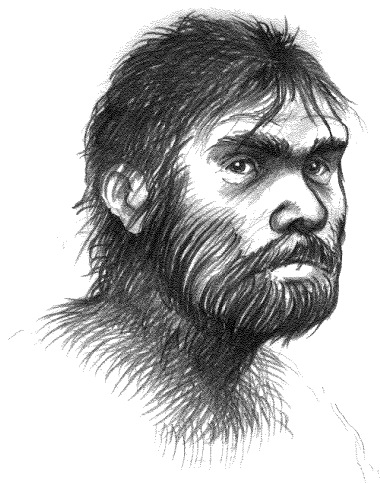
---

³*New Scientist*, January 16.

⁴*Nature*, January 1, 1987, p. 31.

⁵*Science*, January 16, 1995.

⁶*Independent*, November 23, 1995.

Время собирать камни

Для чего, в самом деле, полюса, параллели, зоны, тропики и зодиак?

И команда в ответ: “В жизни этого нет, это — чисто условные знаки”.

*Предоставим им идти навстречу своей судьбе. Вряд ли можно встретить что-нибудь более опасное! ...Если вы повстречаетесь со своей **судьбой**, все последствия такой встречи падут на вашу голову!*

Итак, после полутора сотен лет натужных попыток придать языческой идее животного происхождения человека хоть какое-нибудь наукоподобие, эволюционный антропогенез оказался в весьма щекотливом положении. Защищены сотни диссертаций (библиография по одному только Пилтдаунскому человеку насчитывала более трехсот наименований), созданы и активно работают целые исследовательские институты с многочисленным штатом научного и технического персонала, издаются специализированные научные журналы типа *L'Anthropologie*, а предмета исследования, как выясняется, нет и никогда не существовало. Король-то, оказывается, — голый!

Но в том-то и особенность суеверий, что в доказательствах они не нуждаются. Мы **знаем**, что это так, что же вам еще нужно? Несокрушимая логика Киплингеских бандерлогов — *это правда, потому что мы все так говорим* — оказывается весомей любых фактов и научных аргументов.

Вскоре после опубликования **Происхождения видов** оказалось, что у монстра тотемизма есть и другие лица, впоследствии получившие такие имена, как *марксизм, евгеника, фрейдизм* и проч. Просто они не решались показаться во всей своей красе, не имея столь надежного прикрытия, как дарвинизм. Но прошло совсем немного лет, и все они дали цветущее буйным цветом потомство в виде нацизма, расизма, коммунизма и прочих бесчеловечных учений.

Когда Маркс и его друзья прочли “Происхождение”, они *целыми месяцами не говорили ни о чем другом, как о Дарвине и революционной силе его открытий*¹. Маркс был буквально зачарован тем, как у Дарвина животное царство выступает как

---

¹В. Либкнехт. *Воспоминания о Марксе и Энгельсе*. Госполитиздат 1956, стр. 100.

гражданское общество² и неоднократно утверждал, что труд Дарвина — *естественнонаучная основа понимания исторической борьбы классов*³. Маркс связывался с даунским домоседом, выясняя, не станет ли тот возражать, если **Капитал** будет опубликован с посвящением Чарльзу Дарвину — наставнику и вдохновителю этой работы⁴. Однако Дарвин, плохо разбиравшийся в теоретической экономике, недооценил этого предложения и ответил отказом, скромно указав на *нецелесообразность* такого решения.

Соратник Маркса Фридрих Энгельс вскоре сам взялся за развитие естественнонаучного теоретического обоснования марксизму на основе идей Дарвина. Пытаясь придать им вид наукоподобия, Энгельс, правда, не совсем понятно каким образом, вывел даже математический закон биологической эволюции:

*По отношению ко всей истории развития организмов надо принять закон ускорения пропорционально квадрату расстояния во времени от исходного пункта.*⁵

Весьма интересное “наблюдение”. Оно означает, что эволюция в настоящее время должна идти несравнимо большими темпами, чем когда-то в прошлом. Так, если в соответствии с геохронологической концепцией, беспозвоночные эволюционировали в рыб 500 млн. лет тому назад, и заняло это у них 70 млн. лет, то в наше время качественный скачок подобного уровня должен занимать всего 5 млн. лет. Представляете, с какой скоростью тогда должно идти видообразование? Так, глядишь, была бы опасность поутру не узнать собственную собаку. Однако — по той же теории — млекопитающие как появились 230 млн. лет назад, так больше никакого класса из них не образовалось — где уж тут говорить о типе.

Но когда очень хочется верить во что-то, подобные несоответствия уже несущественны. Так, ни Энгельса, ни Фрейда не волновало и то, что с точки зрения науки и теория рекапитуляции, и ламарковская идея наследования приобретенных признаков — безосновательная фантазия. Именно на этих фантазиях базировались исходные идеи как психоанализа, так и учения, что труд и производственные отношения являются создателем и вседержителем человечества.

---

²К. Маркс. Письмо Энгельсу 18 июня 1862 г. Собр. соч., изд.2. Т.30, с.204.

³См. наприм. письмо Ф. Лассалю 16 января 1861 г. Там же, с.475.

⁴Sir Gavin de Beer. **Charles Darwin**. Garden City, N.Y.: Doubleday & Co., Inc. 1964, p.266)

⁵Ф. Энгельс. **Диалектика природы**. Собр. соч., изд.2. Т.20, с.620.

Даже после того, как Фрейд напрямую было указано на несостоятельность этих предпосылок, он, избегая прямых дискуссий, продолжал настаивать на их истинности⁶. Всевозможные теоретические приложения идеи животного происхождения человека просто игнорировали ту явную разницу, которая существует между человеком и любым другим одушевленным существом, необъяснимую ни какой из эволюционных точек зрения. Так, какие эволюционные преимущества давало бы животным существам все то, что скрепляет воедино человеческое общество — наличие совести, морального долга, этического чувства, правового мышления. Ответ очевиден — любые подобные проявления должны были немедленно отмениться естественным отбором. Потому-то всегда очевидна была и разница между человеческим обществом и животной стаей. Ключевым понятием в любой человеческой культуре — от самой примитивной до наиболее развитой до-дарвиновской — всегда была *ответственность* за тех, кто рядом. Если стадный инстинкт у животных в случае опасности ведет к сохранению *стада*, как самоценной единицы, и сколько особей при этом потеряно, в счет не идет, в *обществе* каждая личность представляет особую ценность, и оставить слабого в беде всегда считалось позорным.

Однако человек обладает еще одним свойством, отличающим его от животных. Это — способность воплощать свои идеи в жизнь (при этом ущербные идеи ведут, соответственно, к ущербной жизни). Благодаря этой способности, распространение всевозможных социальных теорий, основанных на вере в животного предка, привело к разрушению *уз*, скрепляющих общество и распространению в нем стайных принципов. Провозглашался принцип: *стая — все, личность — ничто*. И не имело значения, сколько индивидуумов подлежит уничтожению, если от этого выигрывает стая. Частное выражение этой формулы зависело лишь от того, *что* выполняет роль стаи — раса, нация, класс, государство, корпорация или что-либо еще. Так, например, Ленин открыто заявлял, что если бы для успеха коммунистического дела потребовалось смести с лица земли девять десятых ее населения, он сделал бы это не задумываясь. Потому-то в его письмах нередко можно было встретить сентенции типа: *будьте образцово-беспощадны* (9 августа 1918 г.); *растравливать... никого не спрашивая и не допуская идиотской воло-*

---

⁶Frank J. Sulloway. **Freud, Biologist of the Mind. Beyond the Psychoanalytic Legend.** Harvard University Press, Cambridge, Massachusetts, and London, England, 1992, p.241.

киты (22 августа 1918 г.); надо поощрять энергию и массовидность террора (26 ноября 1918 г.); усилить быстроту и силу репрессий (31 января 1922 г.).

Уже в 1869 г., всего через десять лет после выхода в свет катехизиса неотомизма, двоюродный брат Дарвина Ф. Гальтон опубликовал книгу **Наследственность таланта**, положившую основание для “научной” *евгеники* — выведения *благоприятствуемых* характеристик человека путем искусственной селекции. Правда, книга не давала ответа на вопрос, кто же будет решать — какие признаки являются благоприятствуемыми. Однако Адольф Гитлер, претворявший эти идеи в жизнь, решал его однозначно — *стая*:

*Государство несет ответственность за то, чтобы объявить непригодным для воспроизведения потомства каждого, кто явно болен или неполноценен в генетическом отношении... Ввиду этой ответственности следует беспощадно проводить соответствующие меры, не принимая во внимание понимание или недостаток понимания со стороны любого.*⁷

Как мы видим, ключевым понятием остается слово *беспощадно*. Главное — выявить, какой признак является проявлением генетической неполноценности. Поначалу обладателями таких признаков, а потому подлежащими “искусственному отбору” (т.е. уничтожению) оказываются члены стаи, способные составить конкуренцию в борьбе за власть. Затем наступает очередь тех, кто способен самостоятельно мыслить:

*В решительной борьбе за существование побежденным редко оказывается тот, кто знает меньше всего, но всегда тот, кто выводит жалкие заключения из своих знаний*⁸

*Интеллектуальные силы рабочих и крестьян растут и крепнут в борьбе за свержение буржуазии и ее пособников интеллигентов, лакеев капитала, мнящих себя мозгом нации. На деле это не мозг, а ...*⁹

---

⁷Adolf Hitler. **Mein Kampf**. Munchen: Verlag Franz Eher Nachfolger, 1933, pp.447-448.

⁸Там же, с.452-453.

⁹В.И.Ленин. Письмо Горькому от 15 сентября 1919 г. ПСС, Изд.5. Т.51,

В общем-то и раньше все тираны поступали таким образом, но предпочитали делать это тайком. Теперь же все это делалось открыто и с размахом, ибо вместо устаревших представлений о морали у них на вооружении была *передовая научная теория*. Заручившись ею, они...

*считают позорным скрывать свои взгляды и намерения. Они открыто заявляют, что их цели могут быть достигнуты лишь путем **насилистического** ниспровержения всего общественного строя.*¹⁰

Поклонение животному предку не позволяло останавливаться на достигнутом, и, выполнив эти первостепенные задачи, необходимо было переходить к широкомасштабной “помощи природным процессам”, уничтожая целые народы, расы, классы — всех, кого можно было противопоставить своей стае, господство (победа в борьбе за существование) которой должно было представлять собой

*ничем не ограниченную, никакими законами, никакими абсолютно правилами не стесненную, непосредственно на насилие опирающуюся власть.*¹¹

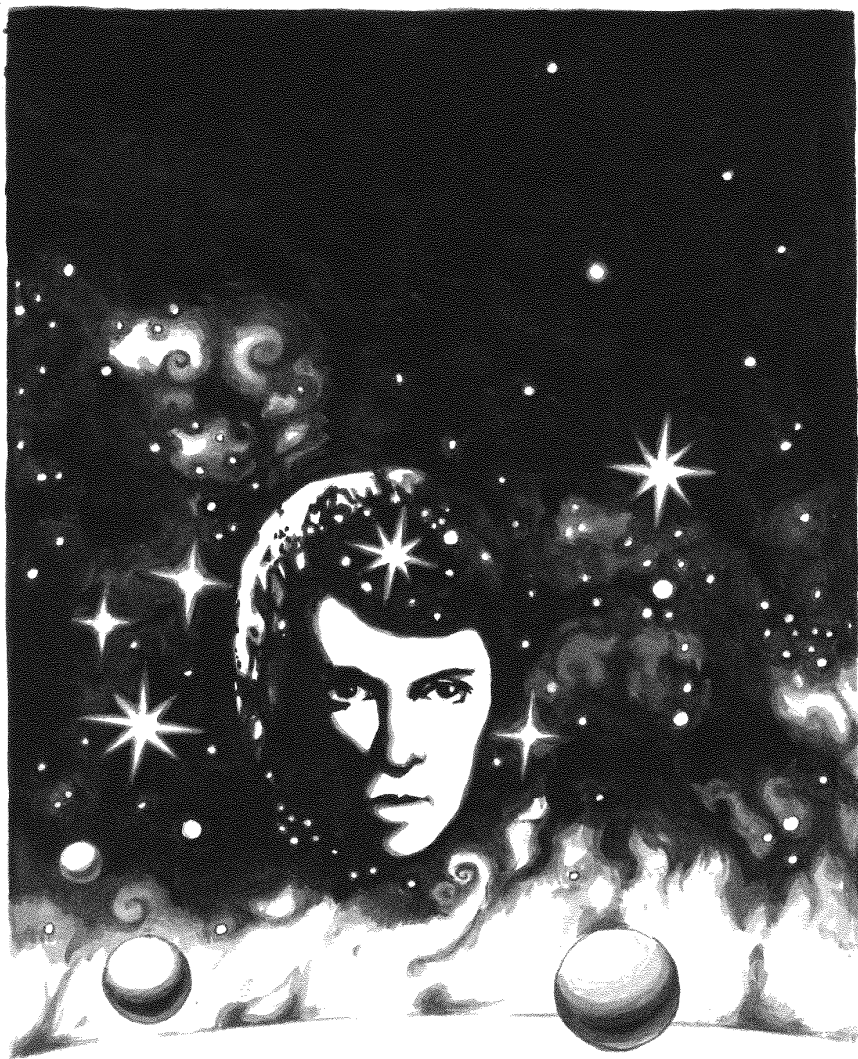
Всего за несколько десятилетий на кровавый алтарь служения обезьяночеловеку были принесены *сотни миллионов жизней* тех, кто остался на полях сражений, был сожжен в печах Освенцима, стерт в лагерную пыль ГУЛАГа, расстрелян у придорожных канав, забит насмерть лопатами полпотовцев, раздавлен танками на улицах Праги или на площади Тяньаньмень. А сколько искалечено судеб? Сколько людей, семей, народов, были лишены дома, родины, веры, надежды на спасение?

И каковы же результаты? Созданы ли новое сверхчеловеческое общество, или сверхраса, или хотя бы один сверхчеловек? Увы! За исключением Германии и Японии, которым посчастливилось проиграть во Второй мировой войне, и, благодаря этому, получить возможность снова начать строить нормальное человеческое общество, все страны, практиковавшие веру в обезьяну, к концу двадцатого века лежат в руинах, истощив и уничтожив самих себя. Уничтожена экономика, уничтожена мораль, уничтожен созидательный дух, способный возродить утраченное.

---

¹⁰К.Маркс, Ф.Энгельс. *Манифест коммунистической партии*. Собр. соч., изд. 2. Т.4, с.459.

¹¹См. наприм. В.И.Ленин. *Сочинения*. 2-е изд., т.25, с.441.

Посчитав себя не более чем развивающейся обезьяной, а борьбу с ближним за свое собственное существование — благом, человек стал целенаправленно *уподобляться* борющейся за выживание обезьяне. В результате он утратил все то, что, собственно, и делало его человеком.

Это — очень старая история. В Эдемском саду искушитель шептал праматери, что стоит нам лишь усомниться в словах Создателя, — и мы, люди, ***будем как боги, и сами станем решать, что хорошо, а что — плохо.*** Именно эта фраза стала символом веры самой древней из земных идеологий, называемой *гуманизм* (вера в человека). Основатель этого учения с первых дней человечества прилагает усилия, чтобы люди забыли свое истинное происхождение. Ведь стоит забыть, откуда мы пришли, и мы уже ни за что не вспомним, куда нам предназначено попасть. Как только мы упускаем из виду абсолютные ориентиры, мы тут же оказываемся во власти блуждающих огней человеческих мнений. Гуманистический релятивизм является тем болотом, из которого человеку самостоятельно не выбраться. Гордо положившись на собственный разум, мы лишаемся и Пути, и Истины, и Жизни. Но Создатель ждет нас, *не желая, чтобы кто-либо погиб.* Предназначение, уготованное нам — прекрасно. *Не видел того глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку, что приготовил Бог любящим Его.* Стоит ли, впад в суеверие, отвергать этот дар?

Рамапитек
(вымершая
обезьяна)

Человек (*Homo Sapiens*)

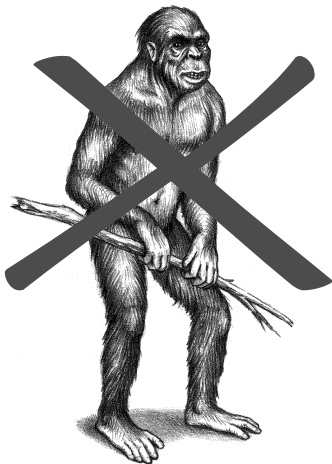

Неандерталец (*Homo Sapiens*)

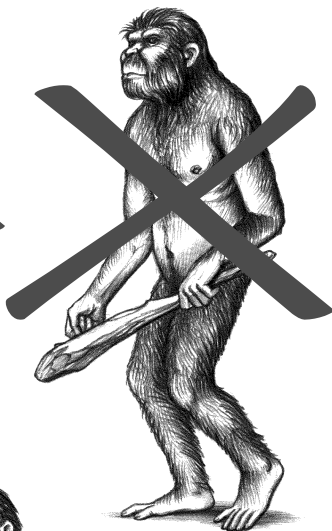
Эволюция мифа

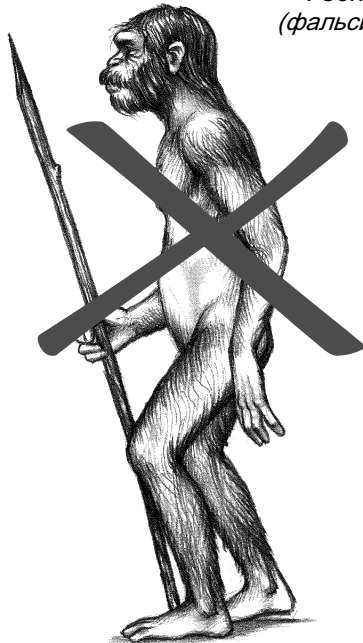
Австралопитек
(вымершая
обезьяна)

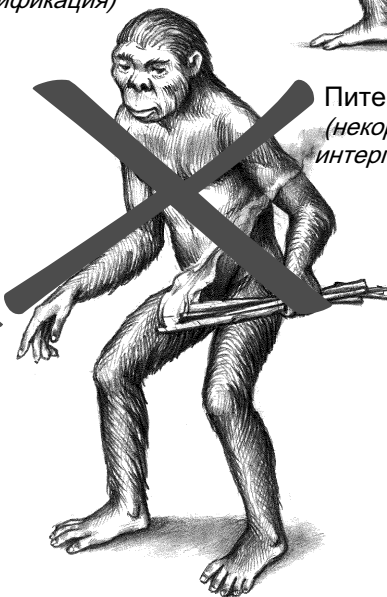
Гесперопитек
(фальсификация)

Питекантроп
(некорректная
интерпретация
данных)

Эоантроп
(фальсификация)

Синантроп (некорректная
интерпретация данных)

Литература

- Бауден Малкольм. *Обезьянообразный человек — факт или заблуждение?*- Симферополь: Крымское общество креационной науки, 1996.- 224 с.
- Брюс Фредерик. *Документы Нового Завета: достоверны ли они?*- Чикаго: Slavic Gospel Press, 1988.- 160 с.
- Виланд Карл. *Камни и кости*.- Симферополь: Крымское общество креационной науки, 1994.- 48 с.
- Головин Сергей. *Всемирный потоп: миф, легенда или реальность?*- Симферополь: Крымское общество креационной науки, 1994.- 80 с.
- Головин Сергей. *Оледенение и история человека*.- Симферополь: Крымское общество креационной науки, 1996. Буклет №15.
- Констэбл Джордж. *Неандертальцы (Возникновение человека)*.- М: Мир, 1978.- 160 с.
- Купер Билл. *Миоценовый человек*.- Симферополь: Крымское общество креационной науки, 1996. Буклет №19.
- Литтл Брюс. *Откуда мы знаем*. Религиозная эпистемология.- Симферополь: Крымско-Американский Колледж, 1996.- 96 с.
- Моррис Генри. *Библейские основания современной науки*.- С.Пб: Библия для всех, 1995.- 480 с.
- Николс Пол. *Рост населения и продолжительность истории человечества*.- Симферополь: Крымское общество креационной науки, 1995. Буклет №10.
- Проблемы теории эволюции*. Сборник статей для студентов и преподавателей.- Симферополь: Крымское общество креационной науки, 1994.- 40 с.
- Роузвер Дэвид. *Наука о сотворении мира*.- Симферополь: Крымское общество креационной науки, 1995.- 160 с.
- Роузвер Дэвид. *Происхождение человека*.- Симферополь: Крымское общество креационной науки, 1996. Буклет №18.
- Тейлор Пол. *Сотворение*. Иллюстрированная книга ответов.- С.Пб: Библия для всех, 1994.- 128 с.
- Уайлдер-Смит А. Е. *Происхождение человека, предназначение человека*.- Стефанус, 1995.- 280 с.
- Ученые — о теории эволюции*.- Симферополь: Крымское общество креационной науки, 1995.- 52 с.
- Хайнц Томас. *Творение или эволюция?* Издание третье, исправленное.- Чикаго: Slavic Gospel Press, 1990.- 160 с.

- Чапмен Джефф. *Теория эволюции и святость человеческой жизни*. - Симферополь: Крымское общество креационной науки, 1995. Буклет №8.
- Человек и христианское мировоззрение*. Выпуск 1. - Симферополь: Крымское отделение АН Украины, 1996, 400 с.
- Baugh Carl E. *Dinosaur* — Orange, California, USA: Promise Publishing Co., 1991.- 2nd print.- 173 p.
- Bliss Richard B., Parker Gary E., Gish Duane T. *Fossils: Key to Present*. - San Diego, California, USA: C. L. P. Publishers, 1990.- 3rd print.- 81 p.
- Bowden Malcolm. *The Rise of the Evolution Fraud*. - Bromley, Kent, UK: Sovereign Publications, 1982.- 232 p.
- Bowden Malcolm. *True Science Agrees with the Bible*. - Bromley, Kent, UK: Sovereign Publications, 1998.- 560 p.
- Brown Walt. *In The Beginning*. - Phoenix, AZ, USA: Center for Scientific Creation, 1995.- 230 p.
- Cooper Bill. *The Stooping Rhodesian Man Fraud*. - Portsmouth, UK: Creation Science Movement, 1996. Pamphlet 307.
- Cousins Frank W. *Fossil man*. - Ewsworth, Hants, UK: A. E. Norris & Sons Ltd., 1971.- 107 p.
- Davidheiser Bolton. *The Scopes Trial*. // In: *Evolution and Christian Faith*. - Grand Rapids, Michigan, USA: Baker Book House, 1969.- 5th print.- Pp. 88 - 105.
- Gish Duane T. *Evolution: The Challenge of the Fossil Record*. - El Cajon, California, USA: Creation-Life Publishers, 1992.- 7th print.- 278 p.
- Gish Duane T. *Evolution: The Fossils Still Say No!* - El Cajon, California, USA: Institute for Creation Research, 1995.- 392 p.
- Grigg Russell. *Ernst Haeckel: Evangelist for evolution and apostle of deceit / Creation ex nihilo*, 1996. Vol.18, #2.- Pp. 33 - 36.
- Ham Ken. *Genesis and the Decay of the Nations*. El Cajon, California, USA: Master Book Publishers, 1991.- 84 p.
- Ham Ken. *The Lie: Evolution*. El Cajon, California, USA: Master Book Publishers, 1987.- 168 p.
- Ham Ken, Taylor Paul. *The Genesis Solution*. - Grand Rapids, Michigan, USA: Baker Book House, 1992.- 6th print.- 126 p.
- Herbert David. *Charles Darwin's Religious Views*. - London, Ontario: Hersil Publishing, 1990.- 104 p.
- Johnson Phillip E. *Darwin on Trial*. - Downers Grove, Illinois, USA:

- InterVarsity Press, 1991.- 195 p.
- Lubenow Marvin L. ***Bones of Contention.***- Grand Rapids, Michigan, USA: Baker Book House, 1992.- 295 p.
- Manly Isaac V. ***God Made.*** A Medical Doctor Looks at the Reality of Creation.- Joplin, Missouri, USA: College Press, 1994.- 210 p.
- Moore John N. ***Note on Scopes Trial.*** / *Creation Research Society Quarterly*, Vol.6, #4. Pp. 171, 203.
- Morris Henry M., Parker Gary E. ***What is Creation Science?***. El Cajon, California, USA: Master Book Publishers, 1987.- 332 p.
- Rendle-Short John. ***Man: Ape or Image.*** The Christian's Dilemma.- Sunnybank, Australia: Creation Science Publishing, 1981.- 196 p.
- Shaeffer Francis A. ***How Should We Then Live?***.- Wheaton, Illinois, USA: Crossway Books, 1993.- 13th print.- 288 p.
- Sunderland Luther D. ***Darwin's Enigma.*** Santee, California, USA: Master Books Publishers, 1988.- 180 p.
- Tinkle William J. ***Creationism in the Twentieth Century.*** / *Creation Research Society Quarterly*, Vol.10, #1. Pp. 44 - 47.
- Whitcomb John C., Morris Henry M. ***The Genesis Flood.***- Grand Rapids, Michigan, USA: Baker Book House, 1993.- 36th print.- 518 p.
- White Monty A. J. ***The caring Neandertal.*** / *Creation ex nihilo*, Vol.18, #4.- Pp. 16 - 17.

Содержание

От редактора	3
Предисловие	5
Вера и Суеверие	11
“Научный тотемизм”	15
Выживание наиболее приспособленного	19
“Происхождение видов”	21
Явление питекантропа потомкам (Часть 1)	23
Явление питекантропа потомкам (Часть 2)	29
Самый старый англичанин	37
И его американский дядюшка	45
Восток — дело тонкое	51
Ископаемые обезьяны	57
Ископаемые люди	63
Первая жертва расизма	69
Время собирать камни	77
Литература	87